

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

ОДНО СПЛОШНОЕ
КАРУЗО

Впервые рассказы,
эссе и записные
книжки из архива
писателя!

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

Василий Павлович Аксенов

Одно сплошное Карузо (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271868

*Аксенов, Василий Павлович. Одно сплошное Карузо : сборник: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70066-0*

Аннотация

Никогда ранее не издававшиеся рассказы, эссе и дневники Василия Аксенова из американского архива писателя впервые выходят в свет под одной обложкой, сопровождаемые блистательными комментариями давних друзей и коллег Аксенова – писателей Анатолия Гладилина и Виктора Есипова. Название этой новой книге дал одноименный рассказ, посвященный Булату Окуджаве, но в книге читатель найдет и Беллу Ахмадулину, и Билла Клинтона, и даже Дж. Д. Сэлинджера. В новом сборнике Аксенов предстает как истинный гражданин мира, которого интересуют и ясный реализм, и обэриутство, и постмодернизм.

Содержание

От Лебяжьего озера до берегов Потомака	5
Рассказы	8
Лебяжье озеро[1]	8
1	8
2	17
3	23
Голубые морские пушки[3]	27
Люди с «Гамлета»	32
Рассказ о баскетбольной команде, играющей в баскетбол[4]	40
Вывод нежелательного гостя из дома[8]	49
Ранимая личность[9]	52
Счастье на берегу загрязненного океана[10]	54
Феномен пузыря[11]	57
В ожидании Вани-золотушника[12]	60
В свете подготовки к предстоящей весне[13]	62
Промежуточная посадка в Сайгоне[14]	64
Ржавая канатная дорога[15]	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Аксенов

Одно сплошное Карузо (сборник)

- © Аксенов В., наследники, текст, 2014
- © Есипов В., составление, комментарии, вступительные статьи, 2014
- © Гладилин А., комментарии, 2014
- © Бондаренко А., оригинал-макет, 2014
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

От Лебяжьего озера до берегов Потомака

Василий Аксенов (1932–2009), автор «Звездного билета», «Затоваренной бочкотары», «Ожога», «Острова Крым», «Нового сладостного стиля», «Московской саги» и многих других романов, повестей, рассказов, пьес и киносценариев, печатался и в эмиграции, и в отечестве как будто бы много и часто. Но и после смерти писателя интерес к его личности и творчеству не ослабевает. Вот и сегодня, в марте 2014 года, когда пишутся эти строки, необыкновенно востребованным на фоне происходящих на наших глазах драматических событий оказывается его «Остров Крым», причем как с одной, так и с другой стороны крымского перешейка...

Издатели с готовностью переиздают произведения писателя, принесшие ему в свое время известность и признание.

А под обложкой книги, которую вы держите в руках, впервые объединены рассказы, дневниковые записи, литературно-критические статьи и другие тексты Василия Аксенова, не входившие ни в одно его прижизненное издание. Часть их затерялась в отечественной и эмигрантской периодике, другая часть выходит в свет впервые.

Это материалы из американского архива писателя. В течение 2011–2014 годов в нем обнаруживались все новые и новые тексты, которые оказывались интересными читателям московских журналов «Вопросы литературы», «Октябрь», «Знамя». Публиковались такие материалы и в журнале «Казань», на родине писателя.

Архив принадлежит вдове Василия Аксенова Майе Афанасьевне Овчинниковой-Аксеновой. В 2010 году благодаря самоотверженным усилиям ее племянника Александра Змеула и при содействии Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (в частности, зам. директора по музейно-архивной работе И. Е. Розановой и нашей соотечественницы в США Л. С. Флам-Оболенской) архив был перевезен из американской квартиры Аксеновых в городке Шантилли (штат Вирджиния, США) в Москву. И теперь пополняет архивные фонды Дома русского зарубежья.

Открывают настоящую книгу 16 рассказов Аксенова, написанных им в разное время. Из них «Прошу климатического убежища», «Ржавая канатная дорога» и «Одно сплошное карузо» публиковались только в эмигрантских изданиях и потому были практически недоступны отечественному читателю, рассказы «Люди с «Гамлета» и «У свиной ножки», по-видимому, не публиковались вообще, во всяком случае, следы их публикаций обнаружить не удалось. Остальные печатались в «Труде» и «Литературной газете» еще до вынужденного отъезда писателя за границу, а рассказ «Карусели» – в журнале «Юность» уже в новой России.

Первые два рассказа, относящиеся к концу 60-х – середине 70-х годов прошлого века, навеяны – один впечатлениями от посещения родной Казани и излюбленного места отдыха казанцев, Лебяжьего озера, другой – воспоминаниями казанского детства. Два последних написаны в эмиграции, в Вашингтоне, на берегах реки Потомак.

Такова внешняя, биографическая канва жизни Василия Аксенова. Гораздо более сложным, не укладывающимся в простые определения был его творческий путь.

В этом смысле интересна история «Рассказа о баскетбольной команде, играющей в баскетбол». Его ранняя редакция была напечатана «Юностью» в 1971 году в нелегкие для писателя времена, когда его книги практически перестали издаваться. Однако в рукописи, находящейся в архиве, этот рассказ оказался переработанным. Публикуемая новая редакция рассказа (вставки, сделанные в 80-е годы, выделены курсивом) позволяет еще раз проследить, в каком направлении развивалось творчество писателя: от традиционных путей

начального периода к безоглядному эксперименту, которым были насыщены его последние романы.

В связи с этим уместно привести аксеновское понимание творчества, как он сформулировал его в статье «Чудо или чудачество», посвященной судьбе романа (см. раздел «Статьи и эссе» настоящей книги): «На самом деле это единственное занятие, которое я люблю без оговорок. Роман – это передвижной пир, который всегда с тобой. И всякий раз это попытка создать некое художественное чудо. Конечно, пока рука держит перо, я буду продолжать экспериментировать со стилем, ритмом и композицией, не говоря уже о метафорах, потому что роман для меня немыслим без эксперимента. Современный роман в том смысле, как я его понимаю, обладает более поэтической тканью, чем поэзия».

«Попытка создания некоего художественного чуда» присутствует и в новой редакции рассказа о баскетбольной команде, хотя значение его для аксеновского творчества в целом было бы неоправданным преувеличивать.

В раздел «Дневниковые записи, реплики, отклики» входят записные книжки Василия Аксенова 1962–1965 годов, предваряемые заметкой составителя, и пестрая литературная смесь текстов небольшого объема и самого разнообразного содержания – от давней статьи «Непривычный американец» (1966) о творчестве Дж. Д. Сэлинджера до заметки конца 90-х, апологетирующей букву русского алфавита «Ё». Сюда же входит стихотворение, обращенное к соратнику по шестидесятым годам прошлого века Андрею Вознесенскому.

В уже упомянутый раздел «Статьи и эссе» входят три группы текстов:

1. «Калашный ряд и его окрестности» – это литературно-критические статьи, в том числе блистательная «Прогулка в калашный ряд» о творчестве Беллы Ахмадулиной (подсказавшая название всего подраздела), а также тексты мемуарного характера (о журнале «Юность», о Союзе советских писателей, о Булате Окуджаве), что всегда являлось большой редкостью для творчества Василия Аксенова – этого жанра он принципиально избегал.

2. «Русский писатель в эмиграции» – размышления о проблемах писателя-эмигранта, о его вращении в новую языковую среду, об экзистенциальном ощущении необходимости бегства. Последней теме посвящено эссе «Жители и беженцы», представляющее собой текст выступления Василия Аксенова на международной конференции «Запад – глазами Востока» в Лондонском университете в сентябре 1989 года. Текст этот изобилует великолепными аксеновскими метафорами, суть которых в том, что настоящий писатель в душе прежде всего беженец, стремящийся вырваться из привычной обстановки, из рутины принятых взглядов на вещи, из убаюкивающих душу уюта и комфорта.

3. «Судьба романа» – эссе-размышления о жанре романа и его судьбе с экскурсами в историю развития жанра.

В следующем разделе «Без серпа и молота» представлена публицистика писателя, она предваряется вступительной заметкой составителя. Здесь собраны аксеновские отклики на текущие политические и общественные события в жизни новой России и в мире, большинство которых, по-видимому, не публиковалось. В них особенно ощутима независимость аксеновских суждений и оценок, идет ли речь о первой чеченской войне, о судьбе бывшего советского писательского дома в латвийских Дубултах или о скандале в связи с амурными приключениями 42-го американского президента Билла Клинтона.

Читая эти тексты, еще острее ощущаешь горечь от отсутствия среди нас Василия Аксенова. Он, безусловно, оставался бы нравственным примером и нравственным авторитетом для своих читателей в нашей полной драматизма нынешней общественной ситуации...

Таким образом, творческое наследие Василия Аксенова представлено в книге достаточно полно. Впервые в пределах одного тома знаменитый писатель предстает перед читателем в самых различных ипостасях: как прозаик, как литературный критик, эссеист и мемуарист, как публицист и даже как поэт.

Все тексты сопровождаются в необходимых случаях краткими примечаниями составителя, в комментировании записных книжек 1962–1965 годов кроме составителя участвовал также старейший и вернейший друг писателя Анатолий Гладилин.

Хочется верить, что книга вызовет живейший интерес у почитателей творчества Василия Аксенова.

Виктор Есипов

Рассказы

Лебяжье озеро¹

Наша гордость – загородное кафе «Березка». Любой непредубежденный к нашему городу автомобилист, подъезжая, может увидеть «Березку» на двадцать втором километре и полюбоваться ею. Кафе стеклянное, с большой открытой верандой. В углу веранды – огромный пузатый самовар, возле которого хлопочет тетя Шура. Самовар этот сразу одергивает иногороднего путешественника, дает ему понять, что он приближается не к какому-нибудь заурядному областному центру, а к городу не совсем обычному, городу с фантазией, с традицией, с тайной.

В двадцати метрах от «Березки» есть еще бар – времянка под названием «Буфет». Снобы и оригиналы, которых в нашем городе немало, могут коротать время не в элегантной «Березке», а в грязноватом уютном «Буфете».

Имеется здесь еще продовольственный магазинчик, куда из «Березки» и из «Буфета» иногда бегают предприимчивые люди, навес на автобусной остановке, пункт проката велосипедов, лыж, финских санок, купальных трусов, зубной пасты; кроме того, неподалеку находится пост ГАИ.

Только что прошел короткий, но сильный дождь. Асфальт дымился. На остановке сидели два подполковника в отставке. Оба подполковника по дороге к остановке попали под дождь, и их длинные, до пят, плащ-палатки стали темными.

Подполковники сумрачно, но увлеченно беседовали друг с другом, просунув в прорези плащ-палаток пальцы и сцепив их на коленях. Они были похожи на французских кюре.

Повторяем, асфальт дымился. Сквозь сосны сверкало, слепя глаза, озеро под названием Лебяжье. Читатель, которому адресован этот немудрящий рассказ, сразу же поймет, насколько вкуснее «Лебяжье озеро», чем «Лебединое озеро» и одноименный балет...

Подъехало такси. В пассажирском салоне произошла короткая, но не совсем приличная возня с расплатой. Шофер, однако, остался доволен и даже буркнул что-то вроде «счастливого вам».

Из машины вышли трое мужчин. Старшему было на вид шестьдесят семь лет, среднему – тридцать четыре, младшему – шесть с половиной.

1

Мы потоптались немного возле остановки. Отец, кажется, поздоровался с одним из подполковников. Сын с громким криком «море, море!» бросился через шоссе к Лебяжьему. Я обнял отца за плечи, и мы пошли вслед за Китом.

Перейдя шоссе, я оглянулся на подполковников. Они молча смотрели нам вслед.

– Они, должно быть, из соседских приходов, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду? – спросил отец.

– Разве ты не заметил, что они похожи на французских кюре? – спросил я. – Я видел таких в департаменте Луара.

– Брось, – сказал отец. – Это уж ты слишком.

– Дедуля! – закричал сын. – Как называется это море?

---

¹ Опубликовано: «Литературная Россия», 1976.

– Это не море, Ваня, а озеро, – сказал дед. – Оно называется Лебяжье. Старожилы утверждают, – обратился он уже ко мне, – что в этом озере целебная вода. Верно ли это, не знаю, но мой ишиас здесь в прошлом году как рукой сняло. Море, Ванюша, – повернулся он снова к Киту, – значительно больше. Море необъятно.

– Нет, это море, – тихо сказал Кит, щурясь от блеска. Он вытянулся, приподнялся на носки, ноздри его трепетали. Он делал стойку, как хороший гончий пес. Он вдыхал лесные дурманные запахи, и я знал, глядя на него, что он запомнит эти запахи на всю жизнь, как я запомнил в свое время запахи Лебяжьего, запахи детства.

– Ура! – завопил он вдруг не своим голосом и ринулся в прибрежные заросли.

– Где будем купаться, папа? – спросил я отца.

– Пойдем дальше, – ответил он. – Вон за тем мыском есть песчаная полоса. Там кажется, что на сто километров вокруг ни души.

– Да, я помню – сказал я.

– Ты разве бывал здесь? – спросил отец.

– Я здесь провел лето в пионерлагере Лынокомбината, – сказал я. – Мне тогда было четырнадцать... нет, тринадцать лет.

– Ну, я же этого не знал, – сказал отец.

– Конечно, – сказал я и посмотрел на него сбоку.

Смущение мелькнуло по его лицу, словно он был сам виноват в том, что не знал подробностей детства и юности этого матерого то ли битника, то ли черт знает кого, тертого, битого, не очень понятного мужчины с блуждающей улыбкой, его сына.

Мы пошли под соснами по хвойному насту. За можжевельником и елками мелькала полосатая фуфайка Кита.

Сперва сквозь березы просвечивали голубые постройки пионерлагеря, в небе полоскался выцветший флаг, прогудел горн, и я увидел наше футбольное поле. Оно совсем не изменилось за эти долгие годы, только выбоина на вратарской площадке стала глубже.

Именно в этой выбоине в конце матча с командой «Голубого озера» я споткнулся, разбил себе локоть, а набежавший Конь ударил меня бутсой прямо в рот, и я, вскочив, в крови и в поту, позабыв все от боли, унижения и усталости, вбил мяч в правый дальний угол своих ворот, и, когда зрители, среди которых была Лида, ахнули, а потом разразились хохотом, я остановился, схватившись за голову, и мне показалось, что душа отошла от меня; я вдруг увидел дикий незнакомый мир, в котором не мог назвать ни одного предмета...

Отец продолжал прерванный разговор:

– ...понимаешь ли, помимо идеологических разногласий неизбежен еще и чисто государственный конфликт между этими двумя силами. Как ты считаешь? – Он крепко взял меня за плечо и заглянул в глаза.

Из леса выскочил с шальными глазами Кит. Он метнул в нас копьё, побежал в атаку, крутя над головой томагавк, схватил меня за правую руку.

– Папа, там возле моря ходит олень! Это Великий Олень! Идем на спор? Он меня ждет!

Я улыбнулся, вспомнив Лиду, нашу пионервожатую, и таинственные сумерки перед вечерней линейкой.

Лида была то ли пловчихой, то ли гребуньей. У нее была мускулистая плотная талия и большая грудь, обычно обтянутая желтой майкой. В клубе во время фильма «Небесный тихоход», в давке, в дверях, Лиду прибило ко мне, и ее груди торчком вонзились мне в лопатки. Я вздрогнул, словно обожженный. Она пробралась вперед и, обернувшись, внимательно на меня посмотрела. И чуть усмехнулась. Свет этой далекой усмешки.

В праздничные дни на правой груди Лиды появлялся серебристый самолетик. Здоровенный бугай-матрос с гвардейской лентой, приглашенный на праздник флота, низко склонился к этому самолетику.

– Вам нравится самолет? – спросила Лида дрогнувшим голосом.

– О нет, – ответил бугай, – посадочная площадка.

Пламя той первой ненависти.

Отец дернул меня за левое плечо, а сын вцепился в правую руку. Оба с почти одинаковым выражением заглядывали мне в глаза.

– Да-да, папа, – сказал я влево, – ты совершенно прав. Государственные разногласия неизбежны...

– Ну конечно, Китяра, это самый Великий Олень, – сказал я вправо.

– Здесь, безусловно... я боюсь, папка... возможен новый очаг напряженности... что злые обезьяны готовят костер в своей пещере, – прокричали отец и сын мне в уши.

– Очаг напряженности, конечно, возможен, Иван, – сказал я сыну и с готовностью повернулся к отцу. – Великий Олень не такой дурак...

Мой мальчик весь дрожал. Он что-то шептал себе под нос. Потом вдруг принял героический и агрессивный вид.

– Я им покажу! Я бегу на помощь Великому Оленю! Папка, за мной!

Он снова ринулся вперед. Я первый раз видел его таким возбужденным. Своды прозрачного леса, берег дикой реки, индейские каноэ, полка с цветными томиками «Библиотеки приключений и фантастики», жажда подвига, битва за справедливость...

Я побежал за ним. Отец побежал за мной. Кит скрылся, и мы остановились.

– Дай мне закурить, – сказал отец.

Он всегда курил, когда оценивал положение современного мира.

– Разумеется, их позиция неприемлема как с юридической, так и с моральной точек зрения, но...

Прошедший год. Что со мной было за этот год? За что зацепиться? Были дни и вечера, обеды, завтраки и ужины, алкоголь, сигареты, аптека, улица, фонарь...

Да работа, моя работа. Цепляемся за работу. Что-то осталось, год не прошел даром. «Рассуждения по тензорному анализу», барельеф «Икар» в Крыму, новый роман «Мужской клуб», походы к «Третьей модели», мой квартет на джазовом фестивале в Загидоне, что-то еще, ну да, «Ода к Фелице», мозаичное панно, изобретение телескопа, «Трактат о поваренной соли», орбитальный полет со стыковкой...

Было, было, все это было – год не прошел даром. Тот год был, никто не сможет этого оспорить...

Холодные, чужие фантомы. Угли прогорели. Созданные предметы почти так же нереальны, как выдуманные и закрепленные понятия. Во всяком случае, они уже в стороне. Аккумуляторы требуют подзарядки.

Были путешествия. Вот за что можно уцепиться, на этом можно построить каркас прошедшего года, который все же был, черт возьми, и прошел, что называется, не даром.

Ты прерываешь нить обыкновенных дней, прерываешь свое существование, прикасаешься к другой жизни: самолетная жизнь, стыки интерконтинентальных авиатрасс, чернильная ночь Дакара, толкучка на Портобелло-роуд в Лондоне, грязный сортир в Сайгоне, душные траттории Калабрии, койоты на улицах старого Дели...

Где я был в прошлом году? Январский полет в Киргизию: бешбармак, старик в черном шелковом халате с орденами на груди, голубой Ала-Тоо...

Летний полет на остров Сааремаа: четыре «а», а-а-а-а, весь остров такой же прохладный и протяжный, как четыре «а» в этом слове, кольчатые кишкообразные загоны для угрей, английский луг, из-за можжевельников лукавые личики пастушек и маркизов, маркизы и

пастушки в фривольных позах над кроватью, на к<...>², что прислала хозяину Эльмару Саару сестра из Виннипега. Далекий рев футбольного чемпионата.

Осеннее плавание в Японию. Рвотный шторм в Суринамском проливе. Мой любимый Синдзюку. Интимный бар величиной с платяной шкаф, хозяйка которого, Майда, к одиннадцати часам всегда пьяна, черный прилив в Атами, массаж, «синее кино»...

Сентиментальное путешествие в уютном сонном вагоне поздней осенью через Польшу и Чехословакию. Вена, Линц, Зальцбург, «морозный ипподром в Зальцбурге» – лукавая выдумка товарища, Грац, Инсбрук, звенящий в холодной ночи мост «Европа», Брегенц, огромный сенбернар, уступивший мне дорогу на снежной тропинке и долго глядевший вслед задумчивыми глазами, автобаны, Северная Швейцария, напоминающая вылизанный городской парк, атомный центр в Женеве, ночной Мюнхен, пьяный утренний Мюнхен, белки в саду, заваленная снегом пустынная воскресная Бавария, по улицам городков слоняются только летчики НАТО...

Но это же далеко не все. Если порыскать в памяти, можно найти тысячи новых подробностей, тысячи новых слов, можно даже вспомнить день за днем, будут некоторые провалы, но...

Потом порыщу. Пока что соорудим каркас пропавшего года. Итак: точки опоры, узлы – это мои прошлогодние труды. Между ними натянуты тугие серебряные провода – мои путешествия. Все это сооружение покрываем переливающейся мыльной пленкой. В результате – красивая завершенная форма, прямо хоть в музей. Кто говорит, что все кануло в Лету? Не надо размягчаться, раскисать, небольшое волевое усилие, и вы сооружаете красивую переливающуюся геометрическую фигуру, модель пропавшего года, внутри которой... внутри которой, разумеется, женщины.

Женщины! Вот это находка! Вот что никогда не канет в Лету, ни один женский взгляд, ни одно прикосновение, ни одна ссора, скрепление рук, скрепление ног, судьбы скрепление... Итак, внутри моей модели глаза и брови, линии ключиц, соски, губы, линии причесок, броши, пряжки, линии бедер, огромная, медленно вращающаяся слеза. Могу себя поздравить – мой год спасен...

О как мне жаль, что этот день уходит, что сын уходит, что отец уходит и трактор маленький уходит по лугам.

Наконец мы вышли на песчаную косу, и здесь действительно было пустынно, хотя в непосредственной близости к лесу вдоль шоссе встречались нам размякшие разбухшие пикники, и опорожненные консервные банки, и пустые сигаретные пачки, и скромные кучки навоза как финал нехитрых пиршеств на лоне природы.

– ...понимаешь ли, равновесие в этом районе представляется мне мнимым, – говорил отец. – Можно ли говорить о спокойствии, когда накопилось столько... – Он на мгновение остановился и задумчиво покрутил пальцами в воздухе, подыскивая слова. – Когда накопилось столько...

– Взаимных болей, бед и обид, – почему-то сказал я.

– Правильно! – радостно воскликнул отец. – Видишь, ты все-таки иногда можешь трезво оценить обстановку.

Мне стало стыдно.

Мы разделись, побоксировали, потом подошли к воде. Зеленая ряска колыхалась, слегка притрагиваясь к пальцам ног. Успокоительно пахло пресной водой, знойным хвойным настоем, прокисшими батарейками бесчисленных транзисторов.

Целый год они играют

---

² В рукописи трудночитаемо.

На кларнете и трубе.
Тра-пам, па-ри-ра-ри-рам-пам, —

— доносилось по крайней мере из восемнадцати мест с того берега. Ух! Там летели брызги, подпрыгивали, как блохи, мячи и раздавался женский визг; там была зона отдыха Фрунзенского района.

— Ванюша! — громко позвал я.

В кустах я уже давно заметил настороженные глаза Гайаваты, его румяные щеки и курносый нос. Он следил за нами, как бесшумный и мрачный гризли, вершитель правосудия страны Великих озер.

— Ну, как хочешь! — крикнул ему отец. — Мы идем купаться!

Кит кубарем выкатился из кустарника, выскочил из одежды и вместе с тремя перепуганными лягушками прыгнул в воду.

Кит, оправдывая свое прозвище, любил водную среду самозабвенно, выгнать его из нее в среду воздушную всегда было делом нелегким. Вот и сейчас он бурно нырял раз за разом, над поверхностью воды в искрах и пузырях мелькали то круглая попка, то круглая голова.

Однако, когда мы с отцом повернули и стали приближаться к берегу, мы увидели, что мальчик сидит на песке, обхватив руками колени.

— Что это с Китом? — сказал я отцу. — Он сегодня какой-то странный, сам вылез из воды...

Отец, отфыркиваясь, плыл справа от меня. Он был туговат на левое ухо и, кажется, не расслышал моих слов.

— Только слепые могут не видеть опасности гигантского демографического взрыва в самое ближайшее время, — сказал он. — Это важнейшая проблема. Как ты считаешь?

Мы вылезли из воды, и он взял меня под руку, как бы предлагая прогуляться вдоль озера, чтобы обсудить эту проблему.

— Папка, дело очень серьезное, — сурово сказал мне Иван. — Морское чудовище заключило союз со злыми обезьянами против Великого Оленя. Как быть?

Я в растерянности остановился. Что меня дернуло поехать тогда в Лондон? Сон. Я увидел ее во сне. Она стояла, прислонившись спиной к стене на крутой улице выжженного солнцем южного города. Она была в синем и даже еще более стройная, гибкая, чем наяву. Увидев меня (я шел снизу), она оторвалась от стены, медленно повернулась анфас и уперлась в стену длинной тонкой рукой. Улыбнулась она или нет, не знаю. Я тут же проснулся с ощущением чуда, потому что почти не думал о ней вот уже год. Мне показалось, что я на грани спасения, я был уверен, что она ждет, что она тоже сейчас проснулась с ощущением чуда, увидев, как я поднимаюсь по крутой улице.

Ночью в буфете «Стрелы» я что-то наврал знакомому актеру о цели поездки. Мы выпили слишком; пожалуй, просто безобразно напились. Актер говорил, что «Мосфильм» и «Ленфильм» рвут его на части, что ночует он главным образом в «Стреле», тоже, наверное, врал, а может быть, и нет.

Почему этот человек с маленьким, вечно открытым ротиком, придававшим ему изумленно идиотское выражение, так нужен двум киностудиям, думал я, глядя на актера в зеркало. Впрочем, он смысленный, эрудированный парень, а киностудиям, должно быть, сейчас как раз позарез нужны такие типажи для отрицательных или положительных ролей.

Утром я сообразил, что не предупредил о своем приезде ни Академию наук, ни Академию художеств, ни Союз писателей, ни обком партии, короче, остался без места. Кроме того, уже значительно позже я сообразил, что не знаю нового адреса той девушки, не знаю также, где она работает, работает ли, не вышла ли замуж, не перекрасила ли волосы, и вообще я ее не знаю и ничего не помню, кроме смутного гибкого движения во сне.

Кружилась голова, кружилось сердце, кружился Питер, все еще с похмелья, кружились статуи и бормотали камни Английской набережной...

Хлопнув «стограмм» в кафе Летнего сада, я радостно вздохнул – она была блондинкой!

– Ну конечно, демографический взрыв, – пробормотал я, – конечно, конечно... Великий Олень победит всех своих врагов и в том числе морское чудовище.

– Медведи против, – сказал Кит.

– Против кого? – озадаченно спросил отец.

– Против обезьян. Они за Великого Оленя. Индейцы тоже за него и негры... Я пошел.

Он встал и неторопливо, но решительно удалился в лес.

– Послушай, Анатолий, – сказал отец, – ведь я обо всех этих вещах только с тобой совершенно серьезно. Увы. Мне кажется, что ты не понимаешь меня. Что ты со своим битническим высокомерием...

– Да почему же ты меня так упорно считаешь битником?! – воскликнул я. – Из-за бороды, что ли? Никакой я не битник.

– Мне кажется, что ты напускаешь на себя что-то битническое, а это тебе не к лицу, – сказал отец, и видно было, что ему страшно неловко. Он отошел от меня и сел на песок. – Неловко мне, правда. Читать тебе нотации, Толя. Ты серьезный ученый, известный писатель, скульптор, наконец... К твоему мнению прислушиваются, тебя многие знают, твой полет со стыковкой и музыкальные успехи сделали тебе громкое имя, а я лишь пенсионер, каких тысячи, но... – голос его дрогнул, – но разве обязательно так открыто проявлять пренебрежение?

– Папа, – прошептал я.

О, проклятье! Итак, нечто таинственное, отнюдь не желание выдуть еще стакан коньяку, занесло меня в девять тридцать утра в челябинскую кемеровскую парижскую гостиницу «Астория». В холлах гостиницы страшно орали – «Интурист» уже работал на полную мощность. Я даже оторопел немного после улицы, словно попал на грациную свадьбу.

Напустив не себя непринужденно-придурковатый, доброжелательно-шпионский вид, я прошел сквозь толпу иностранцев легко и свободно, словно я был не просто советской знаменитостью, а каким-нибудь пуговичным фабрикантом из Гааги.

В ресторане было темно и только эстрада освещалась изнутри, и там стояло шесть парней с гитарами. Они стояли неподвижно и казались вырезанными из фанеры мишенями для стрельбы. В зале спиной к нам сидело несколько солидных мужчин. Из-за спины одного из них выглядывало чье-то голое худенькое плечо, над всей массивной компанией плавали круги табачного дыма. Несколько официантов новой формации, поджарые, как борзые, стояли в дверях кухни, готовые к бою, и смотрели в зал. Швейцар, пышнобородый идиот, знакомый мне еще со студенческих лет, скрестив на пузе блудливые руки, тоже смотрел в зал, словно ждал чего-то.

Массивный мужчина поднял руку, гитаристы ударили по струнам, колено маоистки дрогнуло в моей ладони, таинственное голое плечико в глубине зала судорожно дернулось, и на танцевальную площадку выскочило мое сновидение.

Она была в каком-то диком прозрачном одеянии, то ли бурнусе, то ли тунике, вся в звездочках, переливалась, наряд ее сделал бы честь любой шлюхе восьмого разбора из базарных стрип-шоу в квартале Асакуса, вход в который стоит триста иен.

Номер ее, смесь шейка, сиртаки и танца живота, был так нелеп в этом утреннем полутемном ресторане, что я от стыда покрылся гусиной кожей, и я усмотрел в этой усмешке оскорбление моего сна, почти всей моей жизни, родных берез и «березок», нашего скромного просперити, «скромного сдержанного стиля», утвержденного ГОСТом, «современных линий», «культурного досуга», дружбы с народами зарубежных стран.

Мой сон виновато крутил задом, сдержанно, «не переходя границ приличия», «плодотворно развивая» какой-то неведомый национальный стиль, вилял бедрами, переливался, сверкал в разноцветных лучах... крепко отрепетированный, утвержденный репертуарной комиссией валютный интуристовский танец... в углу гулко захохотал из-за бутылок незамеченный ранее Сиракузерс... да с какой же стати она танцует?.. в жизни она никогда не танцевала... она была чертежницей... тачала сапоги... билетершей в модном театре... женой трех или семи людей... никогда она не танцевала...

Мне захотелось встать и выйти из темноты с таким лицом, чтобы... да, именно с таким лицом, с каким только что ушел в джунгли мой малыш.

Он вернулся с совершенно круглыми, белыми от ужаса глазами и сказал, что все погибло: злые обезьяны, пока он купался, пленили Великого Оленя и сожгли его на костре.

– Этого не может быть, Ваня, – сказал я и взял его за плечико. – Великий Олень такой мощный, такие рога, такие копыта... Тебе показалось... он жив...

– Я сам видел обугленные кости, – дрожа, проговорил он. – Пойдем.

Мы пошли по тропинке в лес, по двум полусгнившим мостикам пересекли какой-то вялый тухлый ручеек. Справа в болоте, в сплошных зарослях, что-то бешено забарахталось, жадно давясь, заглатывая, какое-то кишение, заглатывание еще живого, дрожащего, хоть и мелкого, но живого, глухо вопящего от боли, заглатывание...

Мне захотелось отвлечь внимание Кита от этой мрази, я что-то крикнул с мнимым возбуждением, но он сам показал мне на клокочущее болото и сказал, содрогнувшись:

– Там они...

– Великий Олень! Великий Олень! – закричал я. – Где ты? Ау!

Мы побежали вверх по тропинке, и с пригорка открылся нам мирный вид: домик в два окна, плетень, подсолнухи, а возле домика спокойно пасся Великий Олень. Величавые медлительные движения, блики солнца на серой спине...

– Ну вот видишь, Ванюша, – сказал я. – Все в порядке. Вот он, твой Великий Олень.

– Как тебе не стыдно, папка! – вскричал Кит. – Какой же это Великий Олень?! Это просто корова дурацкая! Ну тебя!

Он вырвал руку и побежал обратно вниз, к озеру.

Конец контактной подвески. Конец контактной подвески...

Электричка остановилась. Оставшиеся немногочисленные пассажиры, и я в том числе, вышли на перрон.

Длинный пустой перрон, обрывающийся на границе песчаных дюн. Сосны, безлюдье. Ветер рвет плащ. Кепку пришлось сунуть в карман. Слепящее солнце в союзе с ветром. Полная гармония резкого ветра, солнца, скрипящих сосен, песка. Большие волны фронт за фронтом идут на необъятный пляж, где сиротливо высятся облупившиеся с прошлого года динозавр, слон, пирамида затоваренной бочкотары, третья ступень ракетной системы «Аполло».

Впрочем, и в сиротстве этом есть гармония: динозавр, слон, бочки и спутник здесь давно прижились, их считают за своих. Они отчуждаются, когда в июне приходят маляры и красят их веселыми красками, но гниль межсезонья, дикие зимние ночи дают им право считаться здесь за своих.

Я пошел вдоль перрона и над самым его краем увидел скрипящую на ветру металлическую табличку, на которой значилось: «Конец контактной подвески».

Нормальное утреннее состояние – зловещий юмор. Разумеется, конец контактной подвески. Символ. Стоило перетечь в такую даль, чтобы увидеть эту надпись. Могли бы подкинуть что-нибудь более утонченное, изысканное – скажем, одинокий кленовый лист, кружащийся над перроном, выброшенный на берег труп морского льва, теннисистов, играющих без мяча, ведь видел же Антониони. Нет, прямо в лоб, с тупым лукавством, с неуклюжим

телодвижением, претендующим на коварное изящество, – «конец контактной подвески», пошевели, мол, мозгами, смекни, что тут к чему.

Под ногами крохотные елки, только что выбившиеся из-под песка. Впадина – море скрывается. Гребень дюны – простор, рев, свист. Впадина – голый мужчина и голая женщина, деловитое сопение, только что начали. Рядом пустая бутылка «Три топорика», чуть расковыренная банка рыбы в томате – торопились. Гребень – слепящий простор, четкость всех линий, и в немыслимом далеке медленно бредущая тонкая фигурка, босые ноги. Сближение, характерный жест – волосы со лба. Почему же она не подошла к поезду?

Прогулка вдвоем по дикому взморью. Одинокий кленовый лист кружит над нами. Затянутая слежавшимися водорослями бухточка. Резкий запах йодистой вони, гниения. Меж зеленых камней чуть покачивается массивный труп морского льва. Бок расклевали чайки, ребра обнажены, отполированы ветром. В прибрежных кустах он и она. Уже сделали свое дело. Беззвучно хохоча, играют в бадминтон. Волана не видно.

Скрылись из глаз. Давайте сядем. Пойдем, Маруся, в парк, оденься в синий цвет, он так тебе идет, ты в синем так красива, безмолвно посидим на пляже у залива.

Незабываемый жест – рука вокруг шеи. Шепот прямо в лицо с легкой примесью никотина:

– Милый вы мой.

А дальше так же, как и у тех. Да. Почему же мы считаем, что и у тех в конце концов земля не плывет, и все вокруг не плывет, и они не прикасаются к необъяснимому?

Памятник любви на пустынном пляже – гигантская бутылка «Три топорика» рядом с динозавром, слоном, бочкотарой, третьей ступенью системы «Аполло», но если все эти предметы в натуральную величину, то бутылка силой нашего воображения превращена в монумент. Вечно живые цветы у подножия, чуть початые банки консервов.

Он мне сказал:

– Я знаю, что вы написали «Трактат о поваренной соли», но это не меняет дела. Вам уже немало лет, а мне двадцать два, сегодня мой день рождения. Я молод, стало быть, и, как видите, красив. Я предлагаю вам изменить ситуацию. Вы сядете за мой одинокий, очень уютный столик, а я сяду за ваш к вашей подруге. По счету за оба стола расплачиваетесь вы.

– В таком случае, нам необходимо уточнить детали, – сказал я, – и для этого мы с вами сейчас выйдем из ресторана и зайдем за угол. Если угодно, можно воспользоваться сортиром.

Он обиженно надул губы.

– Ну, если вы так ставите вопрос, мне придется тогда покинуть ресторан и уехать в город ближайшей электричкой.

Так он и сделал.

Погода переломилась. Гигантские тучи, недоеденные кобылы с гангренозными пузищами, висели над нами, непрерывно мочась. В комнате было сыро. Любимая с утра мочалила сигарету, утробно мурлыкала Вертинского (?), штаны называла «штанец», что прямо корябало по нервам.

Преступные мечты. Я один в сутолоке промозглых улиц, воротник поднят, руки в карманах, настроение боевое, иду куда хочу. На углу вижу: стоит мой добрый товарищ, ловит шляпой ржавые капли с крыш. Теперь нас двое, и у обоих боевое настроение. Скрип тормозов, из машины высовывается третья рожа. «Какие планы, ребята?»

Вам не дано любить, было сказано мне на прощание, и поезд (самолет, теплоход, почтовая тройка) двинулся, и на перроне, глядя на кончик туфельки, осталось стоять сновидение.

О, как мне жаль, что поезд мой уходит, что сон уходит, Ленинград уходит и кладбище уходит за окном.

Это было в Токио, нет, в Вене, точнее, в Лондоне, а скорее всего, в Москве.

Утром в ванне, в зеленых пузырях бадузана, я читал книгу «Одиссея капитана Блада». Я читал ее медленно, потому что наслаждался. За дверью ванной беспрерывно звонил телефон. Наконец приоткрылась дверь, жена, которая в это время была на даче, подала мне трубку, и я услышал глуховатый дружеский голос.

– Но где-то есть другая жизнь и свет... – сказал он и замер.

Но где-то есть другая жизнь и свет, но где-то есть другая жизнь и свет, бубнил я, сбегая с пригорка к озеру. Болото хранило невинное молчание насытившейся гадины. Я раздвинул кусты и увидел на песке своего отца и своего сына. Они сидели рядом и хохотали.

– Папка, послушай! – крикнул сын. – Оказывается, морское чудовище доброе. Дедуля сочинил про него стихи.

Жило на свете чудовище,
Ело оно только овощи,
На завтрак просило салат,
В обед лишь один виноград,
На ужин хлебало крошку,
А ночью всего понемножку.

– Блеск стихи! – воскликнул я. – А рифма чего стоит – «чудовище – овощи». – Я сел между ними на песок и сказал Киту: – Теперь мне все стало ясно, Иван. Злые обезьяны действительно сожгли Великого Оленя, но он, но он...

– Он встал из пепла, верно? – осторожно спросил Кит.

– Ну конечно! – вскричал я. – Он встал из пепла, как птица феникс, и бросился в море к своему другу, морскому чудовищу. Чудовище в целях маскировки превратило его в безобидную корову, и теперь он мирно пасется, ждет своего часа.

– Ура! – крикнул Кит и закрутился волчком.

– Папа, – повернулся я к отцу. – Послушай меня...

Отец напряженно смотрел на меня, сжав между пальцами сигарету. Стекла очков отсвечивали. Даже в трусах у него был чертовски партийный вид.

– Ты знаешь, что те проблемы, которые волнуют тебя, и мне далеко не безразличны. Надеюсь, ты помнишь, как долго мы беседовали с тобой о сегодняшнем мире, как жаростно спорили и находили общий язык. Просто, понимаешь ли, сейчас меня отвлекает в сторону нечто, о чем говорить с тобой мне кажется стыдным, должно быть, я просто не имею на это права. Не знаю, понимаешь ли ты меня...

– Может быть, и я тебя понимаю, – медленно проговорил отец. – Прости и ты меня, старина, за нелепую обиду.

И словно по чьей-то мгновенной команде мы, все трое, перевернулись на животы и растянулись на песке. Я положил левую руку на плечо Кита, а правую на мощную спину отца, уткнул нос в песок и пробормотал:

– Но где-то есть иная жизнь и свет...

Слова раздвинули песок, и образовалась ямка для дыхания.

Весь день они валялись на пляже, кувыркались, плавали и были веселы. Потом над ними в густо зеленеющем небе прошел, добродушно тарахтя, напевая песенку про макароны, анонимный метеорологический спутник. Он шел издалека и оповещал по очереди все страны о наступлении вечера.

2

Анатолий не признает никакого городского транспорта за исключением такси, и это меня предельно шокирует. Шокирует меня также его небрежность в расчетах, комканье денег, вечное посвистывание, странная манера общения с людьми, эта блуждающая улыбка.

Да мало ли что еще меня «шокирует» в сыне. Например, его отношение к ресторанам. Зайдем, говорит, поедим, и показывает на светящиеся окна ресторана. Еще бы, сколько он повидал на своем веку ресторанов и всяких там кабаре, а для меня ресторан еще с тридцатых годов кажется каким-то диким капищем, чем-то потенциально чуждым.

Пусть так, в общем-то, мой сын славный, добрый малый, шумная известность не сбивала его с панталыку, но мне кажется, что не следует прививать этих битнических привычек Ивану. Жизнь мальчика, вполне возможно, сложится иначе, чем у его отца, а навыки, приобретенные в детстве, остаются навсегда.

Впрочем, так ли это? Ведь навыки, приобретенные Анатолием в его нелегком детстве, должны были, казалось, сделать его простым тружеником, в меру целеустремленным, трудолюбивым, скромным, может быть, даже немного боязливым...

Честно говоря, там, в Красноярском крае, я побаивался встречи с уже взрослым сыном. Я ждал увидеть в нем одного из тех юношей, что попадали порой в наши края, – или зашибленного полуприкурка-полудоходягу, или наглого волчонка.

Встреча была странной, неожиданной.

Я настолько отвык от нормальной жизни, что даже в мыслях у меня не было дать телеграмму о приезде. Я приехал в город, где когда-то воздвигал здания, сооружал фонтаны, асфальтировал улицы, вышел на клубящуюся в морозных парах вокзальную площадь, взвалил на плечи мешок и пошел по посыпанному угольными крошками льду. Даже в голову мне не пришло воспользоваться трамваем. В конце города вот уже восемнадцать тяжелых лет берегла свой бедный очаг моя сестра.

Сестра закричала, заголосила, когда увидела меня в дверях, за ее спиной поднялся какой-то шум, какие-то возгласы.

– Толя, Толя! – кричала сестра... и выскочил в красных трусах и белой майке, с цифрой «7» на груди, широкоплечий молодой парень. Отнюдь не сразу я догадался, что это мой сын.

Оказалось, Анатолий почему-то решил на зимних каникулах навестить свою тетку и приехал из столицы в отчие края как раз к моему приезду.

– Должно быть, я что-то почувствовал, – сказал он мне позже в хмельном состоянии. – Может быть, какая-то незримая ниточка все-таки соединяла нас эти восемнадцать лет?

– Нет, ну Толя, это уже мистика, – сказал я, скрывая волнение.

К вечеру он разоделся чрезвычайно странным образом: клетчатый пиджак, галстук с пальмами, огромные ботинки с двумя блестящими пряжками.

Он пританцовывал на этих «говнодавах», насвистывал, щелкал пальцами, напевал – о-ту-ту-ри-ра-ра, леди Бигуд, о-ту-ту-ра-ра-ра, о, леди Бигуд... Я даже немного испугался тогда за его умственный уровень, но напрасно.

Я еще не знал, что молодые люди, одетые таким образом и вот таким манером приплясывающие, получили в то время хлесткую, но, пожалуй, вполне справедливую кличку «стиляги».

– А, это ерунда, – сказал тогда Анатолий в ответ на мой шуточный вопрос о его одежде и приплясывании, – просто вошло в привычку. Это такая игра, немного эпатажа, ну, мулета, ты же понимаешь...

Я ничего не понял.

В тот вечер я узнал, что моя милая жена, его мать, с которой нас разлучил вихрь общественных событий, сейчас работает концертмейстером в северном городке, неплохо зарабатывает по льготным тарифам и дает возможность Толе безбедно проводить студенческую юность. Что ж, пусть хоть юность у него пройдет нормально, если не сложилось детство.

Мы много выпили в тот вечер и много съели вкусного и обо всем, даже о самых невеселых вещах, говорили юмористически, и я казался себе вовсе не старым, а на сына смотрел скорее как на «кореша», чем как на ребенка. Он мне нравился, этот парень, но вовсе я не чувствовал, что это, мол, «плоть от плоти моей».

Когда стали укладываться, я поднял веко, вынул протез и положил его в стакан с водой. Обернулся и поймал взгляд Анатолия, исполненный ужаса. Я думал, что он знал про мое одноглазие, про этот протез, про то, что я потерял левый глаз во время боев за Самару.

Утром я увидел, что он сидит за столом и что-то пишет.

– Голубой глаз отца, голубой глаз отца, голубой... – прочел я из-за его плеча.

И вот прошло снова довольно много лет... Что-то удивительное произошло за это время с Анатолием. Станные успехи в литературе и пластических искусствах, этот его пресловутый саксофон, ошеломившее весь мир открытие телескопа, громоподобный «Трактат о поваренной соли».

– Вся моя жизнь – это борьба с комплексом неполноценности, – как-то сказал он мне.

– Комплекс неполноценности – это модные бредни, – возразил я. – Среда – вот что главное. Тебя воспитала внешняя среда.

Итак, Анатолий подозвал такси, и мы поехали на Лебяжье озеро. По дороге Ванюша задал мне целый ряд разумных вопросов по части градоустройства. Я объяснил ему значение новой дамбы, воздвигнутой в нашем городе, показал нашу гордость – телебашню, яйцеобразный цирк и отстойник канализационных вод.

Попутно мы вели с Анатолием разговор о мировой политике. Не будет преувеличением сказать, что именно эта тема когда-то сблизила нас по-настоящему. Однажды мы вдруг замолчали, возникла неловкая пауза, были какие-то косые взгляды, что-то вдруг оборвалось – уж не та ли смехотворно-мистическая нить? – и мне стало не по себе. Тогда я начал говорить о мировой политике, и Анатолий радостно подхватил, и мы до утра проговорили с жаром. Я люблю говорить с Толей об этой штуке, о мировой политике.

Итак, мы подъехали. Я хотел погордиться перед столичным сыном нашим новым достижением, загородным кафе «Березка», но вовремя вспомнил, что уже гордился.

Все-таки я не отказал себе в удовольствии лишний раз полюбоваться современным силуэтом «Березки», ее расписной стеной, просвечивающей сквозь стекла. Полюбовался я также легким сооружением «Пункта проката» и еще раз дал себе слово поставить в горьком вопросе о реконструкции мрачного «Буфета».

Я люблю все приметы нового в нашей жизни – все эти стеклянные кафе, кемпинги и прочие признаки близкого уже «экономического чуда». В тридцатые годы мы любовались блюмингами и гидростанциями, тогда мы еще не могли думать о новых отелях и о квартирах с ванными, ну а сейчас можем любоваться своими «березками» и разным ширпотребом из пластмассы. Общество изобилия не за горами, и в этом обществе нам будет уже легче решать морально-этические вопросы, совершенствовать свою духовную жизнь. Лишь бы не помешали нам работать!

– Море! Море! – закричал Ванюша. – Дедуля, это море!

Я объяснил внуку, что это не море, а всего лишь озеро Лебяжье, богатое, как мне кажется, минеральными солями, но мальчик стоял на своем.

– Ура! – закричал он и бросился к своему воображаемому морю.

Кстати, надо будет войти в обком с предложением об организации на Лебяжьем бальнеологического курорта или хотя бы однодневного дома отдыха для рабочих Химзавода.

Да, конечно, если нам не помешают, мы сможем построить очень многое и когда-нибудь перейдем тот заветный материальный рубеж, к которому стремимся вот уже свыше пятидесяти лет. Если не помешают... Кто бы мог подумать, что с той стороны придет угроза?! У меня всегда горло перехватывает, когда я думаю об этом, об этом страшном необъяснимом предательстве. Люди, которые говорят те же дорогие каждому коммунисту слова: «Маркс», «Ленин», «класс», «материализм», вдруг стали смотреть на своего соседа и брата со средневековой богдыханьей свирепостью; доносящийся из веков грохот копыт и вопли безжалостной кровавой конницы стали им дороже понятия солидарность. Национализм! Когда же человечество избавится от этого проклятия? Мне, например, просто непонятна суть национальных распрей, смысл национализма, непонятны так же, как понятны суть и смысл классовой борьбы.

Почему такие ничтожные различия, как цвет кожи, язык, разрез глаз, вызывают до сих пор нетерпимость и злобу? Когда-то шла жестокая борьба между «марийцами горными» и «марийцами луговыми». Разница между ними была лишь в том, что одни жили на возвышенности, а другие в низине. Теперь в нашей стране с этим идиотизмом покончено, но попробуйте окинуть взглядом остальной мир...

Хитрожопые империалисты до сих пор раздувают в Америке племенную вражду, семитские народы оцетинились оружием, Пакистан недавно дрался с Индией, даже в чинной Европе бурлят националистические страсти, возьмем хотя бы проблему Тироля... Что же происходит? Неужели в шестидесятых годах атомного космического столетия люди не могут понять, что жизнь развивается не по какой-то прихоти невежественных маленьких и больших национальных фюреров, а по давно открытым марксистско-ленинским законам? Неужели нельзя понять, что национальный антагонизм может привести к самой страшной трагедии, к всеобщей ядерной войне? Ведь атомная бомба доступна теперь даже таким злым карлика́м, как режим Яна Смита...

От этой мысли у меня вдруг бурно заколотилось сердце, выступил пот, прервалось дыхание, отяжелели ноги. Анатолий, не замечая моего волнения, уходил вперед, где-то далеко-далеко мелькала полосатая майка Ванюши.

А Китай?! Вот центр средневекового смрада национализма! Мао с его безумной идеей «желтого коммунизма» развратил великую революционную страну...

Подавив желание проглотить таблетку, я догнал Анатолия и взял его за плечо.

– Слушай, Толя, не кажется ли тебе, что все разговоры о нашем ревизионизме в устах маоистов только дымовая завеса. Понимаешь ли, главное для них – государственные, шовинистические, чисто агрессивные притязания, а идеология – сущая чушь...

Из леса с криком выскочил Ванюшка и устремился к нам. Толя молчал, странно улыбаясь, покачиваясь, будто не в себе. Неужели на него так подействовали воспоминания, связанные с этими местами? Вот вам и железный супермен, герой науки, литературы, космоса и эстрады!

– Что ты думаешь об этом? – тряхнул я его.

– Великий Олень не такой дурак, – последовал ответ.

Я не успел ничего сообразить, как раздался оглушительный визг внука. Он ринулся в лес, и Анатолий почему-то побежал за ним. Я тоже побежал.

Мальчик скрылся в лесу, и Анатолий перешел на шаг. Я сравнялся с ним и попросил закурить. Он протянул мне французскую сигарету «Гитана», по крепости не уступающую нашей махре. Очень удивили меня эти сигареты, когда я с ними познакомился. Мне почему-то казалось, что французы курят что-то эфемерно-воздушное, парфюмерное. Куря свирепую «Гитану», я лишний раз почувствовал уважение к французской нации. Впрочем, как и к любой другой.

По дороге к озеру я делился с сыном своими мыслями о национализме, об опасности национальной вражды, но он отвечал односложно и невпопад, и это меня очень корбило и огорчало. Да, он сильно изменился со своего последнего приезда год назад. Что с ним происходит? Что его волнует? В чужую душу не влезешь, даже если это душа твоего сына, тем более сына, которого ты впервые увидел здоровенным баскетболистом с цифрой «7» на груди. Но ведь есть же политика, мировая политика, черт возьми!

Мы вышли к озеру. Я снова взял Толю за руку и спросил с фальшивой игривостью и лукавством:

– А ну-ка, старичина-простофиля, что ты скажешь об отношениях Индонезии и Малайзии, а?

Он повернулся ко мне как человек, захваченный врасплох, и улыбнулся очень странной... – уж не беззащитной ли? – улыбкой.

– Понимаешь ли, – забормотал я, – равновесие в этом районе представляется мне мнимым. Можно ли говорить о спокойствии, когда накопилось столько...

– Взаимных болей, бед и обид, – неожиданно сказал Толя.

– Правильно! – воскликнул я. – Видишь, ты все-таки можешь иногда трезво оценить обстановку.

Он почему-то смущенно хихикнул.

Мы разделись, побоксировали и подошли к воде.

На противоположном берегу шумела зона отдыха Фрунзенского района. Приятно было слышать счастливый смех и эстрадную музыку.

Нда-с, если мои предположения подтвердятся и в Лебяжьем озере действительно будет найден минеральный состав, зону отдыха придется перенести отсюда в другое место. Впрочем, в окрестностях нашего города еще достаточно живописных мест. Город растет непомерно – за последнее десятилетие население увеличилось на четверть миллиона душ, но вокруг пока еще сохранилось милое приволье, прохладные леса, светлые озера и косогоры.

Неужели когда-нибудь в недалеком будущем все это будет прорезано и сжато бесконечно пересекающимися развязками автотрасс и индустрия влезет в поле зрения любого глаза?

Недавно в журнале «За рубежом» я читал статью известного футуролога, персоны знающей и мрачной. Спокойно, даже с легкой усмешкой, он повествует о том, как переполнятся наши города и загрязнятся водоемы, как обезумевшая от голода одна половина человечества ринется на обожравшуюся другую, туда, в закатные дали, где высятся зловонные пирамиды отбросов, где бушуют вырвавшиеся из-под контроля инфекции...

Все время, пока мы купались, я думал об опасности демографического взрыва. Что ж, иногда нужно пугать людей так, как это делает почтенный зарубежный футуролог, нужно иногда встряхивать их и показывать не столь близкую опасность. Да, мы должны смело взглянуть правде в глаза: близится демографический взрыв и вместе с ним близится опасность голода и распада. Неистовость научно-технической революции соседствует с тупостью отдельных горе-политиков, которые не видят дальше, чем на год вперед. Таких надо гнать! Политик должен видеть вперед на сто лет, по меньшей мере! Нет ничего преступнее сейчас, чем фраза «после нас хоть потоп». Нас может спасти и спасет одна великая вещь, и имя ей – интернационализм, почтенный господин футуролог... выбирайте адресата для своих мрачных прогнозов, адресуйте к тем горе-политикам, которые, как слепые...

Сын плыл рядом со мной ленивым брассом.

– Только слепые могут не видеть опасности демографического взрыва в самое близкое время! – крикнул я ему.

Он кивнул и вылез на берег. Я последовал за ним, собираясь поделиться мыслями о некоторых горе-политиках, но он вдруг остановился в какой-то нерешительной, глупо-

вато-задумчивой позе и минуту мычал, переводя взгляд с меня на Ванюшу, почему-то сурово насупившегося.

– Ну конечно, демографический взрыв... – наконец пробормотал он. – Великий Олень победит всех своих врагов, в том числе и морское чудовище...

Меня вдруг словно наждаком по позвоночнику передернула обида. Ведь он не слушает меня и отвечает, только лишь чтобы отделаться, как от Ванюши с его милым, но, согласитесь, странным Великим Оленем, он не придает никакого значения моим словам, а ведь когда-то меня слушали многотысячные рабочие аудитории, и это было в те времена, когда не было еще никаких микрофонов и усилителей. Разве не о серьезных вещах я пытаюсь вести диалог со своим сыном, разве не о том, о чем обязан сейчас каждую минуту думать любой мыслящий человек, а тем более человек такой огромной известности и авторитета?

– Папа, – прошептал Анатолий и уткнул нос в голые колени.

В этой позе он застыл. Я смотрел на крупные его мослы, обозначенные под тонкой кожей, на изгиб позвоночника, на длинную с проблесками шевелюру... вот жилка подрагивает на щиколотке, утюг икроножного мускула, вот это большое животное, принявшее сейчас позу эмбриона, позу последней защиты... это все развилось из моего семени?

Что с ним происходит? Нельзя же спросить его: что с тобой происходит, сын, Толька, сыночек?

Я попробовал вдруг вспомнить, что происходило со мной в его возрасте. Это было в 1935 году.

В тот год наша республика была награждена орденом Ленина и мы все в бюро обкома ходили как именинники, уверенно поскрипывали португезами, похохатывали, колотили друг друга по спинам, гордились своим Мишкой Эсси-Эзингом, первым секретарем, перед каждым из нас вставляли «перспективы»...

Была ли какая-нибудь закавыка, тайный изгиб в моей жизни? Да – Альбина, стенографистка Альбина, дочь кого-то из «бывших».

В нашем кругу, в руководстве обкома, царили тогда взгляды на любовь, пришедшие из коммун двадцатых годов: нравится тебе женщина – открыто говори об этом, предлагай совместную жизнь, перестала нравиться, понравилась другая, говори первой – прощай, мне нравится другая. Никакой фальши, а тем более закрытости...

Как я мог квалифицировать свои отношения с Альбиной? Какой беспартийный черт вел меня по лунным скрипучим аллеям Дома отдыха профсоюзов на тайное с ней свидание? Почему именно в тайне, в нечестности крылся весь смысл наших коротких, но потрясавших все существо встреч?

Да, это причиняло мне в те времена страдание, ну нет, какое уж страдание, слишком сильное слово – просто ощущение неуюта, пощипывание, как после свежей стрижки, когда волосы за воротником, ну, впрочем, это слишком слабо... А что там вспоминать, ведь у Толи не может быть такой «закавыки», такие штуки для него никакой «закавыкой» не назовешь...

Я посмотрел на него и впервые подумал о том, что этот вот тип, моя раздувшаяся протоплазма, был, должно быть, знаком с множеством прекрасных женщин, с множеством... нет, в этом отношении, я уверен, у него не может быть проблем!

Из леса вернулся Иван с совершенно круглыми и белыми от ужаса глазами. Шепотом он сообщил, что злые обезьяны пленили Великого Оленя и сожгли его на костре.

– Ах, Ванюша, какая ерундистика! – рассмеялся я. – Иди сюда, я тебе все расскажу об обезьянах!

Но внук, казалось, не слышал меня. Он тянул за руку своего отца до тех пор, пока тот не встал и не ушел с ним в лес. Старейшина рода остался один на песке.

Почему-то я попытался принять недавнюю позу Анатолия, то есть обхватить руками ноги и углубить подбородок меж колен. Оказалось, что это не так-то просто, совсем непро-

сто, скорее попросту невозможно для меня. Не знаю, мог ли я в молодые годы принять эту проклятую позу, никогда не пробовал, никогда не испытывал потребности, но сейчас я относил это к своей старости и ужасно злился, упорствуя...

Левый мой локоть влез глубоко в живот, я почувствовал вдруг резкую боль, а вслед за ней дикий ужас, ужас неузнавания окружающих предметов... ужас полной чуждости мира... Сколько это продолжалось – секунду, две, может быть, миллионную долю секунды, потом из хаоса стали выплывать отдельные, не связанные друг с другом слова, откуда-то... сосна и каждого десятого в Шурке курва с котелком ликбезом кроем безобразие куда летим каков процент стреноженные кони хрумкают в раю на дудочках играют в ад... И совершенно уже отчетливо я вспомнил милые стихи Некрасова про грешников в аду...

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы – видом черные
И как углие глаза.

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.
Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Эти милые звонкие стихи вернули мне ощущение реальности, я все еще некоторое время был не в себе: пылкое сердце мое колотилось, робкое дыхание мое было прерывистым, бриллиантовой росинкой упала на колено моя слюна...

Вернулся из леса и лег животом на песок мой внук.

– Ванюша, чего это папа такой странный? – спросил я.

– Думаешь, ты не странный? – вопросом на вопрос ответил мальчик. Он перевернулся на спину и положил руки под голову. – Все же мы странные. – В глазах его сияло горе.

– Что случилось с твоим Оленем? Что за ерундистика? – спросил я.

– А ну тебя, дедка! Все тебе ерундистика! – махнул он на меня рукой.

Я очень дорожу взаимопониманием с моим внуком и поэтому почувствовал огорчение. Впрочем, тут же с ним и расстался. Иван приподнялся на локте и с некоторой снисходительностью, но дрожащими губами рассказал мне всю историю. Он очень волновался, мой малыш, и его волнение постепенно передавалось мне.

Понимаете ли, могучий красавец Великий Олень гулял себе по лесу и никому не мешал. Мешал он только злым обезьянам, которые решили его убить. За Оленя были медведи, индейцы, негры, гномы, все население, но ничего не известно было о планах морского чудовища. Несчастный Олень почему-то любил соленую воду и ходил на водопой к морю. Морское чудовище опутало его своими щупальцами, хотело сожрать, но потом за большие деньги продало стаду злых обезьян, которые и сожгли Великого Оленя на костре. Деточка моя сам видел обугленные кости...

– Тут что-то не то, Ванюша, – проговорил я, схватив его трясущуюся руку. – Морское чудовище – безобидная травоядная тварь. Есть даже стихи про это чудовище... – И тут я впервые в жизни сочинил стихи, и, как впоследствии признал мой выдающийся сын, довольно удачные.

Может быть, он и подтрунивал над моими стихами, мой выдающийся сын, но во всяком случае моему сверхвыдающемуся внуку они понравились. Он расхохотался.

– Вот это здорово! А ночью всего понемножку! Вот это чудовище! Значит, оно доброе?

– Ванюша, почему ты сказал, что все мы странные? – под шумок осторожно спросил я.

– Так мы же путешествуем! – весело крикнул он. – Мы странствуем, значит, мы странные...

Раздвинув кусты, на пляжик вышел Анатолий.

– Папка, послушай! – закричал ему Иван и прочел мой шедевр.

Толя слушал с напряжением и с напряжением улыбнулся, а потом взволнованно заговорил, и, по мере того как он говорил, его волнение передавалось мне и росло.

Он говорил своему сыну о том, что силы прогресса и научного подхода к действительности возьмут верх над силами распада и вражды, что человечество в целом – духовно здоровый организм, что...

...Мы лежали рядом на песке. Толька в центре, а мы с Ванюшей по бокам. Мое знаменитое чучело изредка достаивало похлопыванием. Внучек, кажется, засыпал.

Есть две песни, которые выражают разные полюсы моего настроения. Когда я слишком сильно задумаюсь о демографическом взрыве, о ядерной опасности, о национализме и энтропии, я напеваю заунывную «Я помню тот Ванинский порт...». Когда же я со своим потомством лежу на песке возле воды и среднее звено похлопывает меня по спине, я напеваю вечно юную «Каховку» и слова поднимают песочек легким веером.

3

На автобусной остановке сидели два волшебника – один добрый, один злой, оба в мантиях. Дедушка поздоровался с добрым, но ответил ему злой. Я хотел его уже спросить про этих волшебников, давно ли они занимаются волшебством, много ли уже начудесили, как вдруг увидел море. Оно выглядывало из-за леса и сверкало, как зеркало в маминной комнате после обеда.

Без лишних разговоров я направил своего верного Планше через лес к морю. Планше скакал, хрипя и покрываясь пеной, пока я не нашел на тропинке настоящий автомат – та-та-та-чи-чи-чи – с ручкой!

Вдруг что-то в зеленой воде приподнялось, завопило, забарахталось, зачербурлыкалось жалобно, как будто его живого едят, я стал туда строчить и увидел Великого Оленя.

Я уже не маленький и видел много животных. Конечно, не столько, сколько папа. Этот последний видел в Японии дрессированных касаток! Я несколько раз видел на даче лошадей, коров и коз, множество собак, кот у нас свой – Буша Брюшкин... В зоопарке я видел своими глазами слона и тапира, большого моржа, австралийского эму, медведя панду, который совершил неудачное путешествие в Лондон, как мне объяснил папа, причем этот последний смеялся. Видел я и оленей – полярного, и кавказского, и прочих.

Этот Великий Олень не был похож ни на одного из них. Во-первых, он был огромный, а во-вторых, он был... ну... он был немножко совсем не похож на оленя.

Но какой он был красивый, когда стоял передо мной весь в листве, и в хвойных иголках, и в солнечных зайчиках! Он стоял, такой широкоплечий, и улыбался.

– Здравствуй, Ванюша! – сказал он, как будто сыграл на рояле.

Над его веселой головой венком летали птицы.

– Здравствуй, Великий Олень, – ответил я. – Что за приятная встреча! Скажите, пожалуйста, а кто это там у вас безобразничает? – Я показал на клокочущее болото.

По челу Оленя (чело – это такая красивая шапка) пробежала туча.

– Это, – сказал он, – истчадие болот, злые обезьяны. В нашем лесу каждый гуляет и никому не мешает. Эти явились, безобразничают, пожирают кого-то, а в основном друг друга, и все время пищат, что им мешают. Но не будем говорить о всякой ерундистике, Иван. Хочешь, я подарю тебе отличный лук и стрелы?

– Очень хочу, Великий Олень, – сказал я. – Только сначала пойду расскажу своим старикам о нашей встрече.

– Я буду ждать тебя на этой поляне, – сказал Великий Олень и одним махом перепрыгнул через поваленную ель.

Я выбежал к старикам и сообщил про Великого Оленя и про злых обезьян своему задумчивому отцу. Этот последний сказал, что Великий Олень победит всех злых обезьян, если захочет... Я побежал назад. Огромное туловище Великого Оленя покрывало поллужайки. Он читал книгу и отбросил ее только при моем появлении.

– Давай играть, – предложил я.

– Давай, – соблаговолил он.

Из поваленного дерева сделали «чичачку», из сучьев «таланку», а из одной остренькой палочки «чайдарку» и стали играть в «шаровую молнию». Как будто мы с ним плывем на чичачке и вдруг видим шаровую молнию.

– Молния! – кричим мы и бросаемся вдвоем в нашу таланку. Шаровая молния, как дура, залетает в нашу таланку, и здесь я быю ее своей чайдаркой, а Великий Олень разгрызает ее своими великолепными зубами. Потом мы закусывали вкусными осколками и болтали о разных глупостях.

– Ха-ха-ха! – вдруг послышалось со всех сторон, и отовсюду появились болотные рожи злых обезьян. Их было очень много. – Ха-ха-ха! Они играют в шаровую молнию! Ха-ха-ха, как будто маленькие!

Великий Олень поднялся во весь свой богатырский рост, и злые обезьяны сразу попятились.

– Какое вам дело, во что мы играем? Разве мы вам мешаем? – спросил Великий Олень, друг детей.

– Да, мешаете, – зажужжала главная обезьяна-жаба. – Если все будут играть в шаровую молнию, что тогда получится?

– Эй, медведи, рыси и леопарды! – сыграл на трубе Великий Олень. – Эй, бушмены, скандинавы и готтентоты! Вам мешает игра шаровая молния?

– Нисколечко не мешает, а даже напротив! Мы все сами играем в шаровую молнию, – сказали рыжие медведи, голубые рыси, красные леопарды, желтые бушмены, зеленые скандинавы и золотистые готтентоты.

Великий Олень хлопнул в ладоши, и злые обезьяны с шипением заползли в свою вонючку.

– Погоди, Олень, еще попляшешь на угольках, – зловеще констатировала главная обезьяна-жаба.

– Ха-ха-ха! – добрым смехом раскатился по всему лесу Великий Олень. – Пойду-ка я на море, напьюсь! Вот единственная моя слабость, Ванюша, люблю соленую воду.

– Подожди, Великий Олень! – остановил я его. – Я слышал, что в море живет огромное морское чудовище, похожее на шотландского плезиозавра, которого своими глазами видел мой папа. Последний утверждает, что плезиозавр переворачивает лодки.

– Наше чудовище ничего не переворачивает, – рассмеялся Великий Олень. – Оно очень ленивое. Никто никогда его не видел, и никто не знает, хорошее оно или плохое.

– А вдруг злые обезьяны вступили с ним в заговор? – прошептал я. – Подожди, Великий Олень, я пойду на разведку!

В своих бесшумных мокалинах я выбрался к морю и бросился в воду. Я долго нырял, старался узнать, доброе чудовище или злое, но никак не мог донырнуть до его зубчатой спины, которая еле виднелась в темноте. Вдруг я увидел отвратительные тени с хвостиками, которые быстро уплывали, гадко хохоча. Все ясно – злые обезьяны вступили в союз с морским чудовищем. Все ясно – нам с Великим Оленем предстоит жестокая борьба за поток соленой воды! Сейчас скажу об этом деду и Толе. Последний будет конечно заговаривать губы, но ничего не выйдет! Мы не маленькие!

Я мчался изо всех сил и домчался до лужайки, но Великого Оленя там не было, а лишь остались его глубокие следы, из которых била ключевая вода. Я побежал, перепрыгивая через следы, и вдруг увидел на бугорке потухший кострище и в нем обугленные кости моего любимого величиной с сосновые ветви. А вокруг все чамкало, булькало, причмакивало, гычало, рычало и рыгало.

– Ах, гады! Гады! Гады проклятые!

Я побежал к своему папке и рассказал все. Последний сказал:

– Этого не может быть. Великий Олень такой мощный, такие рога, такие копыта...

«Какие рога? Какие копыта? Никаких рогов и копыт у моего Оленя не было. Ведь это же был Великий Олень», – хотел сказать я своему папе, но не сказал, а просто повел его за руку, чтобы показать обугленные кости благородного животного.

Я, конечно, хорошо отношусь к своему папе, и единственное, что мне не нравится, – это когда он пытается заговорить мне губы, или втереть крючки, или выдать дурацкую серую корову за моего Великого погибшего Оленя. Я вырвался и убежал от отца и по дороге возле сосны немного поплакал.

Сосна была могучая, как нога Великого Оленя, и я перестал бояться злых обезьян, хотя по-прежнему хотелось плакать.

...Но все оказалось наоборот. Оказалось, что морское чудовище полный вегетарианец. Дедуля сочинил про него замечательные стихи:

Жило на свете чудовище,
Ело оно только овощи.
На завтрак просило салат,
В обед лишь один виноград,
На ужин съедало окрошку,
А ночью всего понемножку.

Вернулся из джунглей мой задумчивый отец и сообщил последние новости. Великий Олень возродился, как птица Феникс, и пока что маскируется коровой. Люблю, когда папа говорит правду.

Я долго хохотал, и вдруг мне показалось, что я в своей спальне делаю из одеяла таланку, из подушки чичачку, а из слоника гайдарку. В спальне было темно. Вошла мама и потрогала меня мягкими руками:

– Опять, Ванюша, ты сделал таланку? Спи, пожалуйста!

Я замер. За спиной у мамы виднелся слабо светящийся кто-то огромный, со светящейся улыбкой и глазами, а над головой у него бегали маленькие букашечки... Это был или папа, или дед, а скорее всего Великий Олень...

Трое весь день валялись на полянке, кувыркались, плавали и были веселы. Потом над ними в зеленом небе, напевая итальянскую песенку про макароны и добродушно тарахтя, прошел анонимный научный спутник. Он шел издалека и оповещал по очереди все страны о наступлении вечера.

1968

Голубые морские пушки³

Наш дядя до войны был физкультурником. Не спортсменом, а именно физкультурником.

Сейчас это слово, увы, забылось, потеряло свой запах. Уже мы, послевоенные дети, когда подросли, называли себя не физкультурниками, упаси боже, а спортсменами, а некоторые, самые удачливые, называли себя даже не спортсменами, а «игроками».

Дядя наш был физкультурником конца двадцатых и тридцатых годов.

– А каким спортом вы занимались, дядя?

– Каким спортом? Лёгкой атлетикой. А также тяжёлой атлетикой. Мотоциклом. Стрельбой. Лыжами. Плаванием. Самообороной без оружия. Парашютом. Короче говоря, участвуя в массовом физкультурном движении, наш дядя получил перед войной очень хорошую физическую подготовку.

И вот война началась.

Ах, какой чудный был день, когда война началась! Прошёл дождь, тёплый, парной, асфальт слегка дымился, и липы сильно пахли – да, пахли довоенным нашим детством.

Вы помните песню?

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река!
Кудрявая, что ж ты не рада
весёлому пенью гудка?

Вот этому всему пришёл конец в этот день.

Наш дядя сразу же отправился в военкомат, иначе и быть не могло. Он вернулся оттуда подчёркнуто весёлый, подчёркнуто остроумный, да ещё и с бутылкой портвейна «Три семёрки». Вместе со своей женой, нашей тётей, он пил этот портвейн, крутил патефон и танцевал танго «Листья падают с клёнов» и фокстрот «Эх, Андрюша, мало ли печали, играй, гармонь, играй на все лады»...

Утром 23 июня жена нашего дяди, то есть наша тётя, домашней машинкой окатывала ему голову под ноль. И плакала. Конечно, плакала, неразумная женщина...

Голова дяди стала похожа на красивый узкий топор.

Дядя вышел во двор и стал крутить «солнышко» на турнике, а мы в привычном восхищении следили за игрой его мускулатуры. Весь организм дяди был отлично подготовлен к боевым действиям.

И вот мы сфотографировались на память. На снимке запечатлелись: мускулистый и весёлый дядя в шёлковой тенниске; светлоглазая тётя в платье с оборками, мы с сестрёнкой и два карапуза, личные дети дяди и тёти, а также наша бабушка со своим непроницаемым важным лицом.

Дядя взял вещмешок и отправился в Парк культуры и отдыха, на сборный пункт. Мы шли за ним, ужасно гордые. Я уже видел, как наш дядя то ли танкистом, то ли кавалеристом въезжает в Берлин, то ли лётчиком сбрасывает смертоносный груз на головы комически ужасных врагов.

---

³ Опубликовано: «Труд», 1967, 14 апреля. Прототипом героя рассказа является Евгений Михайлович Котельников, в семье которого Василий Аксенов воспитывался в Казани до шестнадцатилетнего возраста.

Однако произошло совсем непредвиденное: наш дядя не попал на театр военных действий. Он был отправлен в противоположную сторону, во Владивосток, и всю войну прослужил в береговой артиллерии.

От него приходили длинные письма, и тётя иногда читала некоторые места вслух.

– Я не уничтожил ни одного фашиста, не получил ни одной раны. Я живу в полной безопасности в то время, когда идёт кровавая священная война. Как я посмотрю в глаза детям? Пойми, родная, мне не нужно никаких наград и отличий, я просто хочу исполнить свой долг.

Нужно ли объяснять, что наш дядя вовсе не был каким-то там отпетым воякой-рубаккой, он вообще-то был невоенным человеком, просто он всей своей жизнью, всем своим воспитанием был подготовлен к грозному часу, к отпору, и вот, когда этот час настал, он оказался в стороне.

Честно говоря, мы были сильно разочарованы, что наш дядя был лишён возможности проявлять свой героизм и свою прекрасную физическую подготовку, и единственно, что утешало, например, меня – это удивительное понятие Береговая Артиллерия, сами эти слова, многозначительно перекатывающиеся во рту, голубые морские пушки.

Я видел какой-то фильм и в фильме этом холм с кустиками и козой. И вот этот холм разъезжается вдруг на две части, и из тёмных его недр поднимается стальная платформа с гигантскими пушками и с деловито снующими фигурками моряков. Вот что такое Береговая Артиллерия, грозная таинственная сила, и там среди сказочно прекрасных голубых морских пушек живёт наш дядя.

Во время войны население нашего тылового города увеличилось почти катастрофически. По улицам бродили толпы выздоравливающих раненых. Вид мужчины в грязном байковом халате и в кальсонах с завязочками стал привычным и никого не смущал. Огромные ленинградские научно-исследовательские институты ютились в бывших магазинах, складах, даже в разных летних павильонах, кое-как утеплённых.

Во всех квартирах жили эвакуированные, и через нашу тридцатиметровую комнату за военные годы прошло их немало. Были времена, когда на ночь почти вся мебель выносилась в коридор, и мы вместе с эвакуированными спали на полу вплотную друг к другу.

К концу войны из всех эвакуированных остались у нас только четверо: контуженный офицер Виктор, служивший в каком-то тыловом учреждении, его жена, уныло озабоченная и глуповато задумчивая женщина, казавшаяся иногда его матерью, а также молодая ленинградка Ната, лаборант военного научно-исследовательского института, со своей престарелой мамашей, ставшей к тому времени задушевной подругой нашей бабки...

Так или иначе, но все эти годы прошли, и через несколько месяцев после разгрома Японии к нам вернулся наш дядя.

Он выпрыгнул из вагона, весёлый, сияющий, в накинута на плечи чёрной офицерской шинели, всех обнял, всех крепко-крепко обнял, а малышей подбросил в воздух, потом опять прыгнул в вагон и снова выпрыгнул оттуда уже с мешком дальневосточной царственной рыбы горбуши.

Всё-таки ему удалось немного повоевать, нашему дяде. Он участвовал в какой-то десантной операции в Корее, забросал гранатами пулемётное гнездо и получил свою медаль «За отвагу», которая сейчас висела у него на груди. Всё-таки пригодилась ему немного довоенная физкультурная подготовка.

В комнате нашей эвакуированные тем временем жили своей жизнью. Виктор по обыкновению сидел у стола и разбирал свой пистолет на газетке, жена его что-то штопала, а Ната кормила чечевичным супом заболевшую мамашу.

Когда распахнулась дверь и весёлой гурьбой в комнату вошла наша семья во главе с дядей, эвакуированные повернулись и посмотрели на нас как бы испуганными, очень большими, во всяком случае странными глазами.

И дядя, вошедший со смехом, с каким-то бурным рассказом на устах, вдруг осёкся и тоже посмотрел на этих чужих ему людей каким-то странным, боязливым взглядом.

Тётя много раз писала ему во Владивосток и о Викторе, и о Нате, он знал, что они стали нам за эти годы почти родственниками, и всегда передавал им в письмах приветы, но, может быть, как раз в момент приезда он забыл про них, а может быть, комната наша показалась ему в этот момент совсем чужой, запущенной и захламленной, совсем не той комнатой, о которой он мечтал там, в Береговой Артиллерии, среди голубых морских пушек; во всяком случае радость его чем-то была нарушена.

Виктор встал, и встала Ната, и дядя, широко улыбнувшись, шагнул к ним – давайте знакомиться.

Пришли соседи. Появился эмалированный таз с винегретом. Нарезана была толстыми ломтями красная рыба горбуша немыслимой вкусноты. В центре стола была торжественно водружена бутылка со спиртом.

Среди гостей были фронтовики, обвешанные орденами и медалями, и Виктор, передёргиваясь от сильного тика, прицепил к своему кителю многочисленные боевые награды, но всё равно самым замечательным, самым весёлым, ловким и остроумным был в этот вечер наш дядя, береговой артиллерист Тихоокеанского флота, с его единственной медалькой на синей груди. Радость его уже ничем больше не нарушалась в этот вечер, и только иногда они с тётей обменивались непонятными для нас мглистыми дрожащими взглядами.

Началась мирная жизнь. По утрам дядя появлялся голый по пояс из-за ситцевой ширмочки, крутил в могучих руках чугунные утюги, кричал нам: «Подъём, манная каша!» Нёс всякую смешную околесицу: «На стене часы висели, тараканы стрелки съели, мухи гири оборвали, и часы ходить не стали», – и мы с весёлым гоготом вскакивали со своих тюфяков.

Однажды он повёл всю нашу квартиру в Парк культуры. Женщины шли впереди, а мы, мужчины, солидно двигались сзади. Навстречу нам попала компания военных девушек, затянутых в гимнастёрки, перетянутых ремнями. Стройные, крепкие ноги в высоких сапогах.

– Вот, Виктор, – сказал дядя, – когда видишь таких девчат, сам молодым себя чувствуешь. Верно?

– Н-да, – проговорил не очень-то словоохотливый Виктор, и лицо его передёрнулось. Он, не отрываясь, смотрел на голубую крепдешиновую спину Наты.

В парке была разбита выставка Военно-Морского Флота. Над ней трепетали сигнальные флаги. Мы поняли, что именно сюда нас и ведёт ваш дядя.

Здесь была чёрная круглая мина с торчащими рогульками, якорь с крейсера, гирокомпас, чуть поодаль покоилась акуля туша торпеды со смешным безобидным хвостиком, а над всем этим царствовала гигантская пушка, и рядом, словно её воспитанник, тихо стоял снаряд почти с меня ростом.

– Вот она! – сдерживая волнение, сказал дядя. – Трёхсотшестимиллиметровое орудие долговременной морской батареи.

– Н-да, – сказал Виктор, – складно вы там жили, во Владивостоке.

Дядя не подошёл к орудию, не притронулся к нему рукой, он только издали несколько раз взглядывал на него, видимо, вспоминая Владивосток, своих товарищей, свою «складную» жизнь в Береговой Артиллерии.

После этой экскурсии я почти всё время проводил на морской выставке, водил туда товарищей, говорил, что именно из такой пушки стрелял мой дядя по огромному япон-

скому линкору, украшал его взрывами, точными попаданиями, вообще я сильно фантазировал вокруг этой пушки.

Дядя поступил на работу в облисполком. Каждое утро он отправлялся туда в своей чёрной шинели со споротыми погонами и в нелепых жёлтых ботинках, полученных по ордеру.

Шли месяцы мирной жизни. В начале зимы семейство наше увеличилось: приехала из Новосибирска тётиная сестра Елена с грудным ребёнком. Приезду Елены предшествовали долгие ночные разговоры за ширмой, повышенный, почти надрывный голос тёти, успокаивающее урчание дяди.

Елене устроили «лежбище», как выразился дядя, на бабкином сундуке за печкой. Елена была почти в прострации после трагедии «на личном фронте». Круглые сутки она сидела без движения на сундуке и только иногда трясла вопящего Вовика.

Дядя возвращался поздно, когда все уже бывали в сборе. Наколов дров, он садился к столу, проверял наши дневники, потом доставал из портфельчика какие-то большие листы, что-то считал, крутил арифмометр, писал. Закончив сверхурочную работу, доставал роман «Пётр Первый», сжимал руками голову, затыкал уши и читал, шевеля губами, улыбаясь иногда художествам Алексея Толстого.

За его спиной с ежеминутным «извините», с горшками, тарелками и пузырьками двигалась Ната. Она ухаживала за своей угасающей мамашей.

Рядом за столом сидел Виктор. Он, как всегда, разбирал свой пистолет, смазывал его части, мрачно поглядывал на движущуюся по стене тень Наты. Собрав пистолет, он поднимал его в вытянутой руке и долго, бесконечно долго целился в дальний угол, в обои.

– Виктор, ты всё же поосторожнее со своей пушкой, – сказал дядя.

– Не заряжено, – процедил сквозь зубы Виктор.

– Положите пистолет, Виктор, – тихо сказала Ната.

Виктор сразу же положил пистолет и встал.

– Мне обещают комнату, – сказал он, не глядя на Нату, – скоро мы уедем отсюда.

– Я не могу больше, не могу больше так жить! – вдруг зарыдала его жена.

– Перестаньте, Анна Захаровна! – надрывно воскликнула тётя. – Прекратите эту вашу вечную тему!

Ната вдруг тоже расплакалась.

– Я-то тут при чём, я разве виновата?!

И, схватив пальтишко, выбежала на мороз.

Закричал Вовик, закусилась наши карапузы, застонали старухи.

– Замолчи, замолчи! – закричал Виктор жене, хотя она уже давно молчала.

– Пойдём-ка, Виктор, выйдем, – встал наш дядя.

Вот так они частенько выходили в коридор и там долго курили, беседовали тихими голосами, потом голоса их становились громче, слышался смех, и они возвращались в комнату. Дядя делал Вовику козу, пытался шутить с Еленой, укладывал нас спать, мыл вместе с тётей тарелки, что-то успокоительно бубнил.

Утром он, как всегда, появлялся из-за ширмы – подъём, манная каша! – и вдруг застыл в каком-то растерянном оцепенении, растерянно пощипывал голую кожу. Об упражнениях с утюгами он уже забыл.

Так проходили дни за днями и месяцы за месяцами, и снова пришла весна. Лужи и грязный снег, зелёное небо; девочки в классе вдруг оказались гораздо взрослее нас, мальчишек.

Однажды вечером я сидел на заборе, наблюдая за флюгерами, бестолково крутящимися под порывистым ветром, за грачами, за одноклассницей Лялей Пинько с её ухажёром-дылдой, сладко страдая.

Вдруг я увидел на другой стороне улицы нашего дядю. Он стоял, засунув руки в карманы шинели, и глядел на освещённые окна нашей комнаты, где за драным тюлем двигались тени домочадцев. Он долго стоял неподвижно, потом сделал два шага к дому, вдруг резко левое плечо кругом и зашагал куда-то в сторону заката.

Он шёл долго, и я с замиранием сердца шёл за ним, уже почти догадываясь, уже почти точно зная, куда он идёт.

С трудом открыв заваленную мокрым снегом калитку, дядя пошёл по аллеям безлюдного парка культуры к выставке Военно-Морского Флота.

Мина была покрыта шапкой, и на стволе орудия лежала полоска ноздреватого талого снега, а рядом с орудием по-прежнему стоял снаряд ростом уже с меня. Должно быть, сильно я подрос за зиму.

Дядя деловито очистил ствол, открыл затвор, крикнув, поднял снаряд и зарядил пушку. Потом он сел в седло наводчика, повернул какие-то рычаги, покрутил какие-то колёса, и трёхсотшестимиллиметровка вдруг с тихим скрипом начала вращаться, ствол её полез вверх, в звёздное небо.

Я не знаю точно, в какую звезду целился дядя, в Сириус или Альдебаран или в какую-нибудь ещё, одно я знаю достоверно – он целился в какую-то злую звезду, населённую фашистскими варварами.

Из-за изгороди, из-за гипсовой фигуры лётчика я видел, как произошёл беззвучный выстрел, как вырвалось пламя и снаряд ушёл в высоту.

Где-то, где-то, где-то в занебесье снаряд взорвался, всё вокруг озарилось мгновенными радужными кругами, потом огонь исчез, и по небу медленно поплыли сверкающие ордена. Ордена Славы и Отечественной войны всех степеней, ордена Суворова и Нахимова, все награды, какие мог бы получить за минувшую войну наш хорошо тренированный дядя.

Потом дядя опустил ствол орудия, ещё раз протёр его рукавом шинели и зашагал к выходу из парка. Он шёл крепкими, уверенными шагами, уже немного стареющий мужчина. Только теперь я заметил у него под мышкой какой-то свёрток. В этот же вечер я узнал, что это были ботинки, которые он достал по ордеру для меня. Мои давно уже просили каши.

Люди с «Гамлета»

Балтика с самого начала хлестала их длинными волнами. Северо-западный ветер ровно и мощно гнал над ними тяжелые тучи. Все было в порядке – на лучшее они не рассчитывали. Конечно, когда идешь в балласте, качка сильнее, но «Гамлет», старая надежная посудина, а до Ленинграда несколько часов хода.

Карл сменился с вахты, принял душ, переоделся и вышел на палубу. На спардеке под навесом было сухо. Он надвинул берет, задернул молнию на куртке и прошел на корму. Там стояло несколько матросов. Все сопляки, гамбургская шпана. Таких берут на один рейс. Ишь ты, одни прически чего стоят. А Джок, проклятая обезьяна, разглагольствует среди них.

Карл привалился к борту, закурил сигарету и стал смотреть на пенный след от винтов. Сколько часов в общей сложности за свою морскую жизнь провел он вот так, глядя на крутящиеся стремнины, на вспухающие и лопающиеся бугры? Если это сфотографировать, будет похоже на гаданье на кофейной гуще. Только чего же он хочет – увидеть прошлое или угадать будущее? Когда тебе сорок лет, уже начинаешь больше смотреть назад.

В пяти шагах от него парни в ярких кашне, в американских штанах, обтягивающих задницы, размахались руками. Джок усиленно там ораторствует. Какой все-таки национальности этот тип? Говорит по-английски и по-норвежски, на шее амулет из Океании, сам черный, а глаза голубые, мутные.

– Эй, Карл, там Кронштадт?

Карл взглянул на север. Только опытный взгляд мог угадать за взлохмаченным горизонтом, там, где чуть просветляется небо, полоску земли.

– Вероятно. Должно быть, так... уже Кронштадт.

– А там?

На юге явственно виднелись низкие берега. С такого расстояния они ничем не отличались от берегов Дании или устья Эльбы. Но почему сжимаются пальцы и на горло ложится тяжелая лапа?

– Там Ораниенбаум, – глухо проговорил Карл, – а дальше Петергоф. Раньше там был красивый дворец и парк. Много статуй, фонтаны. Очень красиво. Сплендид пэлас!

Кто его тянет за язык? Был дворец, был парк, многое было раньше. Все уничтожено, разбито в прах. Так кто же его тянет за язык?

– Приходилось здесь плавать, Карл? – спросил один из юнцов.

Карл резко повернулся к ним. Ребята смотрели на него с интересом, и Джок тоже впился ему прямо в глаза, медленно, издевательски улыбаясь. Не дождавшись ответа Карла, он крикнул:

– Блокада, Карл, а? Тяжелые воспоминания?! Расскажи-ка нам, ну!

– Иди ты к черту, – сказал Карл, поднял воротник куртки и уставился в кипящий, расходящийся надвое, след. Несколько фраз помогли ему разобраться в своих чувствах. Да, конечно, с самого начала этого рейса, когда он узнал, что «Гамлет» идет в Ленинград, в нем начали оживать, проникать сквозь преграду многолетнего сопротивления воспоминания прошлого, подспудно лежавшие в душе. Сейчас он понял, что ему уже не уйти от этого. Ежесекундно меняющаяся водная поверхность принимала самые неожиданные очертания. Мелькали знакомые лица – Краузе, Юлиус Петерман, обер-лейтенант фон Ирмер, Фриц – люди, истребленные на этой земле. Пеленой шел перед плазами дым побоища, и уже не видно стало волн, и сопровождавшие пароход чайки приобрели облик пикировщиков.

1941-й. Карлу 25 лет. И всем, кто сидит рядом с ним на танке, примерно столько же. Они уже протарахтели по всей Европе, молодые, вонючие, яростные. Такими они ввалились и сюда. Глотки поглощали спирт и изрыгали воинственные песни, пальцы нажимали

курки, каски стучали на черепах. Пыльный мир ложился под гусеницы танка, и недалеко уже был громадный город, сулящий победителям недурные развлечения. Но вдруг город оглушительно рывкнул, что не собирается сдаваться. Они впервые напоролась на такую ожесточенную оборону. Но даже тогда никто не ожидал разгрома, а Юлиус, бывший студент, даже орал: белокурые бестии, это ваша первая драка! Отомстим за великого Фридриха! Оставшиеся в живых потом анализировали поражение. Кому это нужно? Карл теперь понимает, что если бы они даже взяли этот город, исход все равно был бы тот же. И дело тут не в коммуникациях. Почему человеку не дают разобраться в своих поступках, а сразу впихивают его ноги в сапоги, нахлобучивают каску, суют автомат и гонят за тридевять земель подышать за великую Германию или еще черт знает за что? Да, они действовали тогда как роботы, и он, и Краузе, и фон Ирмер, и даже напичканный идеями Ницше Юлиус Петерман. Все они казались друг другу хорошими, сплоченными парнями, каждый был обыкновенным человеком, а вместе делали черное и погибельное дело. И не думали, не думали, не думали! А вот теперь подумай, Карл, единственный оставшийся в живых рядовой 2-й роты 4-го батальона. Ты уже тогда пытался пораскинуть умишком, как-то связать дикие нелепости своей судьбы. Ты уже тогда заколебался. Может быть, поэтому тебя и оставили в живых? Чтобы пятнадцать лет спустя ты, облазивший весь мир сорокалетний человек, вернулся сюда и подумал, и снова вспомнил об этой стране, о ее гневе, о ее людях, о...

– Помните, мальчики, вы представители свободного мира, – услышал он вдруг голос Джок. – Дайте это понять русским. Будьте настороже. Наша миссия...

– Какая к черту миссия! – заорал Карл. – Что ты мелешь, кретин? Мы идем сюда для того, чтобы взять доски, закупленные фирмой. И все! Понятно вам, ребята? Взять доски и отвезти их в южную Францию.

Джок сжался, будто готовясь к прыжку, и зашипел, глядя на Карла, как на смертельного врага:

– Ты лучше расскажи мальчишкам, сколько русских девок на твоём счету. Небось служил в войсках СС? Такой ариец...

– Не был я в СС! – истерически взвизгнул Карл. – Я был солдатом, просто тупым солдатом. А командовали нами сволочи вроде тебя, Джок. Кстати, я кое-что слышал о твоих делишках в Хайфоне.

(Апперкотом, что ли, ему двинуть под подбородок?)

Джок медленно крался вдоль борта к нему, держа руку в кармане штанов. Там у него всегда лежал кастет. Парни деловито окружали их, разглядывая с профессиональным интересом. Словно почувствовав себя на стадионе, они разом сунули во рты новую порцию жвачки.

– Ставлю три против одного за Карла, – брякнул кто-то.

В последний момент перед прыжком Джок и взмахом кулака Карла с треком распахнулась дверь капитанской каюты и за комингсом появился сам майстер Бюрке. Седые пучки его бровей удивленно поднялись и затем сошлись на переносице, демонстрируя гнев. Энергично выпятился стиснутый замызганным кителем живот. Про капитана болтали на судне, что он покупает новый китель только тогда, когда уже некуда перешивать пуговицы.

– В чем дело, дети? – сурово спросил он. – Карл, успокойся. Джок, отправляйся в каюту.

Карл прислонился к борту, а Джок стал спускаться вниз по трапу, оборачиваясь и грозя глазами.

– Что это происходит на моем судне? Отвечайте!

– Агитирует тут, – буркнул Карл.

Бюрке вздохнул:

– Вздорный малый. Вчера поцапался с коком – домогался, нет ли у него в родне негров. Видно, в Марселе придется с ним расстаться.

– Я вас предупреждал, майстер.

– Верно, верно. Ну, ладно – все по местам.

Брови капитана взлетели, сигналив отбой, добродушное лицо расплылось в улыбке, и он удалился. Карл криво усмехнулся и полез наверх. Хотелось побыть одному перед лицом наплывающих воспоминаний.

На ботдеке ветер сразу схватил его за локти и повернул лицом к югу. Там, на берегу, уже явственно проступала зеленая полоса садов, белели пятнышки каких-то строений. В хороший бинокль можно было бы сейчас рассмотреть даже машины на дороге. Карл вспомнил, как они по очереди смотрели на Ленинград в бинокль фон Ирмера.

Это было уже после взятия Петергофа. Петергоф. Уютный дачный городишко, а там возле моря в парке такая красота! Тот дом был недалеко от парка. Они вошли в него, гогоча и стуча сапогами, так же как входили во французские и греческие дома. Поставили в углу оружие, разбросали амуницию, развалились на кроватях, на диване, на полу. Хозяева были оттеснены на чердак. Впрочем, Карл и не замечал, что там были какие-то хозяева. Когда только мелькнет какая-нибудь робкая тень. Цурюк! Геен цум тейфель! – и тень исчезает. Так было до тех пор, пока он не столкнулся в саду с Ниной.

Ну вот добрались и до самого страшного. Впрочем, смелее. Кажется, это очень важно – все вспомнить впервые за пятнадцать лет. Да, ранним утром он умывался в саду под железным рукомыльником. Поднял голову и увидел девушку в черном свитере с ведром в руках. Она застыла в несколько нелепой позе, как будто в беге наткнулась на очковую змею. Ее светлые волосы были растрепаны, в громадных глазах нарастал ужас. Карл улыбнулся и поманил ее, как пугливую кошку. «Ком, Маша», – сказал он. Девушка выпрямилась, гордо закинула голову и медленно и четко ушла по дорожке. И все. И эта мгновенная встреча выбила у него из-под ног почву, развеяла его наступательный порыв. Он забыл о своем высоком призвании, о великой Германии и повел себя как обычный гамбургский парень, которому понравилась девушка. Тайком от товарищей он искал с ней встреч, лепетал какие-то жалкие слова, совал шоколад. Она бросала шоколад ему в лицо, плакала от ярости, кричала что-то, и он видел в ее глазах только ненависть, отвращение и ужас. А ведь он был в то время хорош собой, загорелый, светловолосый, и неужели любовь не стерла с его лица печать веселого убийцы? Неужели она все время боялась его как насильника?

Действительно, чего было проще осуществить свои права нибелунга, покорившего всю Европу. Почему же он не сделал этого? Видно, осталось еще в нем что-то от того Карла, простого рабочего парня, который работал на доке в Гамбурге и с завистью провожал взглядом уходящие в море корабли. В боях и походах он не вспоминал о своей прежней жизни. Он трясся на танке по Фермопилам, опускался с парашютом на содрогающийся от залпов остров Крит, горланил воинственные песни и видел те же миражи, что и головорезы в черной форме. И вдруг в Петергофе, в двух шагах от смертельного побоища, он с изумлением услышал, что в сердце у него закипает новая песня – сентиментальная песня тихой любви и тихих радостей. Песню пел голос Нины, но в ней, кроме того, слышались голоса птиц и лай городских дворняг, звонки гамбургских трамваев и гудки пароходов. Он видел в мечтах свой дом и Нину, хозяйку в нем, двух белоголовых малышей и себя, пришедшего вечером с верфи или вернувшегося из плавания. Так, невзирая на дикость окружающего, заговорила в нем самая обычная мужская зрелость. И вдруг резким диссонансом в сознание врвался рев дальноточных пушек, и Карл понимал нелепость своих мечтаний. Он понимал, что они с Ниной находятся на разных полюсах, что их разделяет неодолимая преграда. Она в плену у врагов, а он враг, окопавшийся в преддверии замеченного снегом, покрытого льдом, голодного героического города. Города, где до войны Нина училась в институте, где она, должно быть, гуляла с каким-нибудь русским парнем. Карл негодовал, мучился от бессильных тяжелых раздумий. Он готов был сломать любые преграды, пойти на любое безрассудство. Что

значит война по сравнению с любовью?! Какая-то противоестественная выдумка. Если бы вся армия вдруг вспомнила о любви и мужья помчались бы к женам, женихи к невестам, а холостяки к любовницам – война кончилась бы в один день. Так почему же они не делают этого? Неужели для них важнее грабеж в чужой стране?

Такие мысли, выношенные за долгие месяцы блокады, Карл однажды выложил своим друзьям. Сначала солдаты молчали, но под влиянием фанатических выкриков Петермана полезли в драку. Вероятно, Нина и не подозревала, что этот грохот внизу означает битву за любовь, трагическое и ожесточенное сопротивление прозревшего человека. Его спас от ареста артиллерийский налет и последовавшее вслед за ним мощное наступление русских.

Страшная ночь перед бегством. Зондеркоманда металась во тьме с горящими факелами. От дворца отходили грузовики с награбленным добром. Выламывали даже плитки паркета. Милый городок Нины горел с четырех сторон.

Карл взлетел на чердак, бросился к ней, пытаясь сказать все одним только повторением ее имени. В порывистых бликах багрового света, падающих через слуховое окно, мелькали отдельные черты ее лица, и все они были искажены ненавистью. А затем...

– Шторм-трап по левому борту! – послышался внизу голос Бюрке.

К «Гамлету» подходил лоцманский бот. Через несколько минут русский лоцман перевавился через борт и встал на палубу, широко расставив ноги в тяжелых сапогах. Он поднял дубленое ветром лицо, помахал рукой и крикнул:

– Доброе утро, кэптин!

Бюрке ахнул – мистер Бедуха! – и затопал вниз по трапу. В каком порту мира нет знакомых у старого мастера? Капитан и лоцман топтались на палубе, хлопая друг друга по круглым спинам.

– Рад вас снова видеть у себя на борту, мистер Бедуха. Когда мы встречались в последний раз? Да, в 54-м.

– Вы плавали тогда под голландским флагом.

– Совершенно верно.

К полудню ветер прорвал сплошной фронт туч, и в рваную брешь хлынул неожиданно яркий поток солнца, «Гамлет» шел по Морскому каналу. Перед моряками открывалась панорама большого порта. Над причалами, над мачтами судов, над разноцветными трубами и флагами шевелились похожие на шеи бронтозавров стрелы порталных кранов. Мелкие суденышки деловито сновали по акватории, едва не натываясь друг на друга. На рейде медленно разворачивалась знакомая туша «Герцога Нормандского». К правому борту его прилепился грудастый мощный буксир, будто под руку провожал подвыпившего приятеля. Уже доносился слитый из сотен звуков гул напряженной работы. Мелкие волны играли на солнце, как только что вытасченный тугой невод.

Люди с «Гамлета» смотрели во все глаза. Подумать только – обычный порт, тысячу раз виденная картина, и надо же – это Советский Союз, малопонятная страна, о которой столько треплются газеты.

Судно поравнялось с нефтебаками. С причала махали какие-то девчонки в комбинезонах. Парень с прошмыгнувшего катера крикнул что-то приветственное. «Слоу спид!» – командовал лоцман Бедуха. «Гамлет» самым малым входил в Лесную гавань.

Здесь высились штабели досок, вдоль причала в тени эстакады стояли маленькие изящные суда – немецкие и голландские лесовозы. Остро пахло сосной, землей, дымом. Моряки жадно раздували ноздри. Постепенно всеми овладевало обычное настроение. Закончен трудный рейс, впереди несколько дней земной жизни – прогулки по устойчивой поверхности незнакомого города.

– Я пошел бриться, – решительно заявил швед Боргман.

– Поскобли как следует свое рыло, – сверкнул зубами Луи. – Кажется, собираешься целоваться?

В это время на палубе показался Джок. «Представитель свободного мира» был неузнаваем. Куда делась его извечная черная фуфайка, порванная на шее? Модный костюм стройнил его, нейлоновая рубашка облагораживала, остроносые туфли делали экстравагантным. Волосы, напоминавшие раньше грязную ветошь, были напояжены и расчесаны на пробор.

– Боже мой, Джок, – ахнул Луи, – ты прекрасен, как... – он защелкал пальцами в воздухе, – как наш пароход на рекламном проспекте.

Джок, сощурившись, смотрел на берег. Там среди швартовщиков и грузчиков стояли миловидная девушка в сером костюме и рослый мужчина с портфелем.

– Сейчас начнется советский бюрократизм, – сказал Джок. – У этого типа в портфеле десять тысяч разных анкет.

– Каких еще анкет? – удивился Луи. – Таможенник и карантинный врач сидят у капитана.

– Увидишь.

Девушка и мужчина с портфелем поднялись на борт.

– С благополучным прибытием, господа, – улыбаясь, сказала девушка по-английски. – Мы представители агентства «Инфлот». Для желающих через полчаса будет организована автобусная экскурсия.

– Экскурсия! – воскликнул Луи.

– Вот как, экскурсия? – пробормотал Карл.

– Экскурсия, значит, – многозначительно сказал Джок и подошел к девушке.

– Скажите, мисс, а разрешат мне одному ходить по городу? Просто так свободно гулять куда захочу?

Мужчина с портфелем досадливо поморщился.

– Гуляйте сколько угодно, – сказал он, не глядя на Джока, – только не заблудитесь.

Через час шумная, пестро одетая ватага с «Гамлета» шествовала по Невскому, направляясь к Дворцовой площади. Гамбургские ребята, шведы, француз и итальянцы – всего пятнадцать человек. Маленький экскурсионный автобус уехал вперед и теперь ждал их на набережной у Эрмитажа.

– О-ля-ля! Сколько хорошеньких!

– Слушайте, мисс, что это за дом?

– Кому памятник?

– Внимание, мальчики, вижу кафе!

Так вот, значит, он какой! Можно понять русских, которые тогда казались фанатиками – за него стоило драться. Такой город нельзя отдавать чужим. Карл на мгновение представлял себе их танк, летящий по этому прекрасному проспекту, своих товарищей, сидящих на броне и палящих во все стороны, выбитые стекла, дымящиеся здания и содрогнулся. Слава богу, что все это только нервы.

Джок все-таки предпочел коллективную экскурсию. Он медленно шел против движения по обочине тротуара, демонстрируя русским полную независимость. На животе его болтался фотоаппарат с длинным тубусом объектива и лампочкой «блиц». Коварно улыбаясь, он сфотографировал очередь за арбузами, инвалида с костылем, чистильщика сапог, милиционера, ведущего какого-то пьянчугу (удача!), забежал в подворотню, щелкнул с трех ракурсов мусорный ящик. Карл, оглядываясь, видел его ухмыляющуюся физиономию. Какая жалость, что Бюрке тогда захотелось подышать свежим воздухом. Чувствуя неловкость, он наклонился к девушке-гиду:

– Скажите, в последнюю войну здесь были большие разрушения?

Девушка посмотрела на него серьезно и недоверчиво.

– Да, были большие разрушения, но сейчас все восстановлено. – Она рассмеялась. – Сожалею, но мы не сохраняем подобных реликвий.

– Все восстановлено? Это правда? – Карл вспомнил кварталы руин в Гамбурге. – Скажите, мы поедem в Петергоф?

– В Петергоф? – Она удивленно подняла брови. – Не хватит времени. Может быть, завтра.

– А как я туда смогу доехать?

– Электропоездом с Балтийского вокзала.

– Спасибо.

Ребята спускались в винный погребок. Карл резко повернулся и столкнулся вплотную с Джокком. Что-то давнее, враждебное, какая-то вековая властность почудилась ему в позе этого «гражданина вселенной», когда они стояли грудь к груди, не желая уступать друг другу дорогу. Было такое ощущение, будто Джок держит в руке готовый обрушиться на него хлыст. Но это длилось секунду. Джок привычно ссутулил плечи, губы его расплзлись в обычной ехидной ухмылке. Он вильнул в сторону и скрылся в погребе.

Карл стоит в тамбуре электрички. Он стиснут со всех сторон весело болтающими людьми. Поезд, грохоча, несется назад, мчится через пятнадцатилетие туда, в царство призраков, в разбитый снарядами мир, где снова зазвучат голоса мертвых друзей и голос Нины, такой нежный в своей основе и такой непримиримый. Карл курит одну сигарету за другой, мертвым взглядом скользит по лицам своих соседей. Он не знает, что окружающие его ленинградцы тоже спешат в Петергоф на традиционный праздник осени – закрытие фонтанов Петродворца.

По мере приближения росли недоумение и растерянность, и, попав в водоворот праздника, он был потрясен и разочарован. Он спешил на таинство, а оказался на балу. Возбужденная толпа неистово вальсировала. Мелькали оживленные лица, щелкали затворы фотоаппаратов, в воздухе прыгали детские шарики, и вот – боже мой! – перед ним открылась перспектива мощно пульсирующих фонтанов. Все они были целехоньки, даже тот бронзовый колосс, раздирающий пасть льву, стоял в радужном облаке брызг. Что? Может быть, все это ему снится? Или сном был тот давний кошмар?

Призраки отступили. Вместо них кружился перед глазами, подбрасывал в небо горячие султаны возрожденного каскада сегодняшний мирный мир.

До вечера Карл бродил по аллеям, неуверенно отвечал на улыбки, курил, сидел в раздумье на пляже. Вот что никогда не изменится и вечно изменчиво – море! Только в нем можно скрыться, убежать от своей беспокойной души, от воспоминаний, от ударов совести. Мелкие волны отливали ртутью, а на горизонте в сплошном ртутном блеске чернели контуры редких лодок. Потом все это залил малиновый сок заката. Карл встал и пошел в парк. Машинально он присоединился к очереди в павильон, возле которого пили пиво. Неожиданно он поймал на себе взгляды нескольких мужчин. Они одеты в нескладные темно-синие костюмы, а руки большие и красные, такие же как у него. Один из них отделился и направился к нему. Карл вздрогнул.

Что ж, они имеют право на ненависть. Черт меня занес сюда! Неужели догадались, что я немец?

Мужчина подошел и взял его под локоть.

– Комрад, – сказал он, – прошу вас, битте. Хотим вам предпочтение оказать, как гостю нашей страны.

Он подвел его к павильону и гаркнул через головы:

– Отпустите без очереди!

– О, спасибо, спасибо, – прошептал Карл. Он поднял тяжелую кружку с дрожащей пенной шапкой и почувствовал себя как дома. Доброжелательные лица с каким-то непонятным, чуть насмешливым любопытством смотрели, как иностранец пьет пиво.

– Турист? – спросил один из мужчин.

– Но! Ай'м симен.

– Моряк! – радостно воскликнул кто-то.

– Я механик, – добавил Карл.

– Слышите, ребята? Механик он, свой парень – работяга.

Пожилой человек в очках сокрушенно вздохнул:

– Эх, жаль языка не знаю. Порасспросить бы англичанина о жизни.

Худенькая девушка пробралась через толпу и неуверенно спросила:

– Шпрехен зи дейч?

Карл вздрогнул, медленно обвел взглядом толпу и сказал:

– Да, говорю.

Девушка, обрадованная, затараторила на смешном немецком языке:

– Как вам понравился Ленинград? Вы были в Эрмитаже? А фонтаны? Правда, прекрасно? В Лондоне есть такие?

– Ленинград великолепен, и фонтаны... Я удивлен: никаких следов войны!

– Вы у нас впервые?

За спиной у Карла прозвучал короткий резкий смех. Он быстро повернулся и увидел Джок. Джок был пьян. Он стоял в вызывающей позе, засунув руки в карманы штанов, слегка покачиваясь. Мутный взгляд упирался Карлу в глаза. Карл почувствовал, что через секунду что-то произойдет и будут поставлены все точки над «i».

– Обмен мнениями, Карлуша? – проговорил Джок. – Контакты простых людей? А ты расскажи-ка им о своем последнем визите.

Ошеломленный, Карл слушал его чистую прусскую речь. Так вот оно что! Вот откуда это еле уловимое ощущение древней подавляющей силы, то, что наполняло его возмущением с головы до пят. Раса господ? Юнкер?

Джок вдруг повернулся на каблуках и хрипло закричал в толпу:

– Да, мы у вас уже были! И еще придем, не волнуйтесь. Напомним о себе!

Коротким апперкотом Карл свалил его на песок. Мелькнули в воздухе ослепительные манжеты, фотоаппарат перелетел через голову.

– Этот человек – провокатор, – сказал Карл и медленно пошел через толпу. Люди молча расступались, их лица говорили о том, что они поняли смысл происшедшего.

А в двадцати шагах от павильона на открытой эстраде стояла певица в усыпанном блестками длинном платье и пела о чем-то теплом, молодом, конечно, о любви, конечно, о счастье.

А дальше гремел оркестр и крутились парочки вблизи подсвеченных разноцветными прожекторами фонтанов.

Карл вышел из парка и зашагал в темноте по улице дачного городка. За спиной затихал гул праздника. Ботинки гулко стучали по асфальту.

Эта улица очень похожа... Может быть, это она и есть? Трудно сказать – здесь все было изрыто снарядами. Домики прятались в заросли палисадников, их окна тепло сияли сквозь листву. Это был свет древних очагов, милый, манящий, как и пятьсот лет назад. И в то же время это был современный свет, свет, зажженный людьми, которым до смерти надоело горе предшествовавших поколений.

Карл остановился у забора и положил на него локти. Вот и дом этот так похож на дом Нины. Может быть, она все-таки вопреки фактам жива? Может, сейчас укладывает спать

детей? Почему, почему, черт возьми, ему сейчас не 25 лет, почему сейчас нет Нины? Сейчас, когда он пришел сюда не на танке, а на лесовозе «Гамлет», пришел не грабить, а покупать доски? Ах, будьте вы прокляты, гады! Вы, мешающие людям любить, танцевать и работать, будьте прокляты навеки!

За стеклом появилась, подняла руки и исчезла женская тень. Карл вцепился пальцами в забор, уронил голову. Он не понимал, что это с ним, но со стороны это было похоже на рыдания.

Рассказ о баскетбольной команде, играющей в баскетбол⁴

И будут наши помыслы чисты...
Б. Ахмадулина

Баскетболисты ленинградского «Спартака», так сильно встряхнувшие довольно сонную спортивную жизнь в Северной Пальмире, закончили прошедший сезон серией поражений. Удивительная команда Владимира Кондрашина, лидировавшая всю осень и всю зиму, весной совершила турне по неудачам (Москва – Ленинград – Милан – Тбилиси) и в результате НЕ выиграла Кубок европейских кубков и НЕ стала чемпионом Советского Союза, хотя была как никогда близка к этим триумфам.

Весна для каждого молодого ленинградца время смутное и лихорадочное. Обилие бронзовых скульптур, ночные перешептывания кариатид с атлантами, борьба ладожских и балтийских струй – волнуют питерца, вносят диссонанс в мелодичную игру нервной системы. «Спартак» – типичный молодой ленинградец и не является исключением.

Итак, мы с ходу оправдали неудачи нашего фаворита и теперь с чистой душой отправимся за ним в путешествие. Куда поехать – в Москву, в Милан, в Тбилиси? В Москве мы живем, так что ехать в нее довольно глупо. В Милане нам делать нечего. Отправимся-ка в Тбилиси: лишний раз перепрыгнуть через Кавказский хребет никому не вредно.

В ленинградском аэропорту баскетболисты развлекались свиными шашлыками на деревянных палочках. Мясо-молочная фирма «Симменталь», вырастившая в своем лоне нынешнего обладателя Кубка кубков, не очень-то в Милане баловала своих молодых гостей мясом, и потому сейчас, в эти быстрые минуты перед новой разлукой с родным городом, особенно приятно было взять полдюжины горяченьких, попросить стакан чаю и на последних глотках с немалым удивлением обнаружить, что пьешь не чай, а кофе.

Кондрашин рассказывал друзьям о миланском матче:

– Судьи не давали нам центр поля перейти, сразу прихватывали, испанец, так тот свистел, как соловей, все сорок минут без остановки. Чуть что – «три секунды», «пробежка», «двойное ведение»... Сорок шесть фолов моим ягням насвистел, а тем, быкам симментальским, всего шестнадцать. Сане Белову локтем три раза в физиономию заехали совершенно намеренно.

Что касается «тиффози», то пусть их темпераментом восхищаются журналисты. За нашей скамейкой сидели пятеро типов с такими длинными дудками вроде гуцульских, знаете ли, и дули нам прямо в уши. Я кричу «тайм-аут», а меня и не слышно.

Конечно, оправдываться нечего, не имеем мы права проигрывать такой команде, как «Симменталь» ни на своем, ни на чужом поле, у нас как-никак другой класс. По идее мы должны у них выигрывать девять матчей из десяти. Международного опыта мало у ребят, вот что плохо. Чувствуют себя за границей «бедными родственниками», эдакими мамиными ванюшами, а надо приезжать как асы, знать себе цену. У армейцев надо в этом отношении учиться. Серега Белов в любом Чикаго свою игру сыграет: и защиту растерзает, и на судью рывкнет, если надо. Больше надо ездить клубом в загранку...

Друзья Кондрашина сочувственно кивали, а один друг, фамилии которого тренер не знал, да и в лицо его что-то плохо помнил, спросил:

– А где же, Володя, в это время был Джонс, председатель Баскетбольного союза?

---

⁴ Опубликовано: «Юность», 1971, № 8 – ранняя редакция рассказа. Здесь рассказ печатается по рукописи с авторскими добавлениями, сделанными в 1980 годы, – эти вставки выделены курсивом. *Примечания к рассказу – Василия Аксенова.*

– А что Джонс?! Сидит себе с сигарой! – запальчиво воскликнул Кондрашин и тут же изобразил Джонса с сигарой, кстати, очень похоже.

– ЦСКА молодцы, выиграли у «Иньеса», очень я за них рад. – Кондрашин задумался, позабыл о друзьях, взгляд его удалился уже в сторону Тбилиси. – Молодцы, молодцы... – пробормотал он и пошел к своим мальчикам, помахивая авоськой, где в круглой металлической коробке лежал фильм о последней игре с этими армейскими молодцами.

Все складывалось неудачно в тот день. У Сани с утра опять спина разболелась, у Юры ангина. Из номера вышел перед отъездом на игру – навстречу уборщица идет с ведром. Заглянул в ведро, может хоть тряпка на дне. Нет ничего – пустое ведрышко. Так и отдали семь очков, спокойно, размеренно проиграли последний матч турнира, дали себя догнать, и вот теперь пожалуйста – изволь езжать в Тбилиси на нейтральное поле. Впрочем, что уж там – армейцы, конечно, сильнее, у них три игрока сборной и столько же кандидатов. Сильнее они нас, ничего не поделаешь, но... но...

Наконец объявлена была посадка. Тренькнул на прощание Пулковский меридиан. Баскетболисты кряхтя рассаживались в «Ту-104». Ох, намозолили им бока самолетные кресла! Студенты-корабелы Арзамасков (190 – 20)⁵, Белов (200 – 19), Большаков (0 – 25)⁶, Кривошеков (191 – 23), Макеев (196 – 19) и Штукин (195 – 26) взяли за учебники по кораблестроению, лиаповец Волчков (191 – 25) изучал, разумеется, авиационное приборостроение, лесгафтовец Иванов (204 – 27) читал труды Лесгафта, Рожин (201 – 21), студент-педагог, штудировал Песталоцци, Федоров (192 – 23) из Института связи размышлял над вопросами связи, а дипломник Военно-механического института Юмашев (198 – 25) от нечего делать читал стихи:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

Между тем докучливый корреспондент присел на подлокотник кресла Владимира Кондрашина.

– Владимир Петрович, если не секрет, где вы нашли своих питомцев?

Кондрашин скорчился от слова «питомцы», как от кислого огурца.

– В кафе-мороженое, – ответил он. – Вошел однажды в «Лягушатник» на Невском, смотрю, сидят одиннадцать рослых детей. Вот, подумал я, преотличнейшая баскетбольная команда.

«Давняя дружба связывает тренера Кондрашина с его питомцами», – одним росчерком пера записал докучливый корреспондент.

Хороший самолет неизменно убаюкивает пассажиров, и вскоре ужасные учебники легли на высоко задранные колени, и спартаковцы привычно задремали в позах, напоминающих положение эмбриона. Один лишь Юмашев продолжал в полусне шептать:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной...

А внизу уже проплывал проткнувший свое старое ватное одеяло древний без кавычек Кавказ...

---

⁵ Здесь и далее: первая цифра в скобках – рост игрока, вторая – возраст (прим. автора).

⁶ Странность этих цифр объясняется вот как. Докучливый корреспондент спросил однажды у Юмашева (198–25): каков рост Большакова? Тот добродушно рассмеялся:– «Зайчик» – это мотор нашей команды, но роста у него нет никакого. Корреспондент прикинул: «Зайчик» был выше его самого на полголовы. Эге, подумал докучливый корреспондент и удалился (прим. автора).

Я есть старый баскетбольный рыцарь Нагнусс Теодорус цу Цуккендорф. Моя персона имеет рост 225 сантиметров. Я проживаю имеет место жить на окраине варварского Чикаго. Я имею крепкий хаус и один акр клубники мит турнепс. Также здесь гуляют один пферд и два хунда, моя собственность, хочу кормлю, хочу выгоняйт. Битте, убирайтесь цум тойфель! Они не уходят.

Весь день я копать землю на своем акре и никогда не вспоминать баскетбол. Соседи называть меня «профессор». Натюрлих! Никто не знайт о моем прошлом. Глюклих! Кто будет уважать мужчину, который всю жизнь бегал онэ брюк в трусах среди молодых варваров, которые только жевать чуингам и кричать «йеп», «йуп», «факк», которые ничего не означать.

Мимо садик частенько проезжалъ нох айн маль гнедиге фройляйн Мадиссон. Она посылайт профессору воздушный киссен, но я есть уже излишне староват. Увы, я не могу цурюк в Шварвальд, потому что я позабываль родной шпрехт. Я долго-долго служилъ в баскетбольных войсках варварского Чикаго и забываль свой шпрехт. Теперь я не знаю ни один шпрехт. Зато я живу один и каждый вечер нарушаю режим. О я! Стакан за стакан, бутыл за бутылка. Телевизор никогда не включать: там спрятался баскетбол. Лючие делать пасьянс. Гут! Когда получается – глюклих – четыре полных состава, четыре скамейки крепких зольдат. Можно играть – 0:0, 0:0, 00, 00... а теперь шляйфен бай бай, и весь полный нахт я вижу ужасный сон: многомесячный баскетбол между Иллинойсом и Техасом. Шрекlich, все равно я вижу мяч и кольцо и наших зольдат...

В Тбилиси были вечером. Защищенная от полярного ветра страна уже активно сквозь бензин благоухала цветущим миндалем. В аэропорту команду встретил прилетевший накануне второй тренер Виктор Харитонов. Любители баскетбола, конечно, помнят это имя в списках сборной Союза незначительной давности...

– А вы уже загорели, Виктор Николаевич, – сказали спартаковцы.

– Запылился, – с загадочной улыбкой поправил Харитонов.

Портик гостиницы «Рустави», что на проспекте Плеханова, подпирали два изогнутых в прерастраннейших позах и выкрашенных в зеленую краску атланта. Баскетболисты почему-то не обратили на них никакого внимания. Зато внутри многое нас удивило.

Когда-то на закате прошлого века отель был наречен «Европой». Многое здесь говорит о прошлом. Например, на одной из дверей сохранилась подпись, что свидетельствует о том, что когда-то за дверью была скрыта подъемная машина, а также о том, что в былые времена гостиница не гнушалась и иностранными гостями.

Нигде нет более (а мы объездили с баскетболом добрый десяток стран), нигде нет более взволнованного водопровода и более нервной телефонной связи, чем в «Рустави». А как приятно по утрам собираться всем этажом в умывальной комнате или, заплатив тридцать копеек, дожидаться очереди в однососковую душевую.

Когда мы подъехали к «Рустави», от нее как раз отшвартовывался военный автобус, команда ЦСКА с дружной песней направлялась в гарнизонный Дом офицеров на прием пищи. Армейцы помахали нам, мы – им. Никакого злого антагонизма между спортсменами двух команд конечно же не существует, а наоборот – существуют коллегиальное взаимопонимание и уважение. Взгляды, которыми обменивались игроки при этой бытовой встрече, ничего общего не имели с прессингом, заслонами и финтами, обыкновенные приветливые взгляды. Лишь два взгляда могли со стороны напомнить спорный прыжок. Армеец Андреев (217 – 25) с робким оленьим движением шеи бросил трепетный и загадочно-смущенный

взгляд на спартаковца Белова (200 – 19), а Александр проводил своего оппонента внимательным и не по возрасту тяжеловатым взглядом из-под не по-детски нависших бровей⁷.

В гостинице и в близлежащих кварталах отчаянно кричали телевизоры. Истекали последние минуты футбольного матча ЦСКА – «Динамо» (Тбилиси). Грузины проигрывали.

– Болельщик, ребята, наш, – весело сказал Кондрашин и ласково потрепал по вихрам Ваню Рожина (201 – 21), юношу с лицом Алеши Карамазова и фигурой петергофского Самсона.

И впрямь, через полчаса, когда мы уже благодумствовали за шашлыками, к нам со всех сторон обращались и официанты, и повара, и студенчество, и специалисты грузинской столицы:

– Ленинградцы, вы выиграете у ЦСКА?!

– «Спартак», за вашу победу!

– Гагемарджос, «Спартак», гагемарджос!

Докучливый корреспондент подсел к нам, когда мы уже пересчитывали под столом денежки.

– Настроились на победу, ребята? – бодрым голосом спросил он.

– Извините, мы на шашлыки настроились! В Италии сильно оголодали, – ответили мы.

– Кацо! – закричали мы на кухню. – Еще по два свиных и по одному бараньему!

– Блокадники, – сквозь слезы глядел на нас официант Махмуд, совсем уже сбившийся со счета годов.

Всего получалось по пять шашлыков на персону и по одному табака. «Настроение в команде перед решающей схваткой по-настоящему боевое», – одним махом записал докучливый корреспондент и, подумав, приписал в скобках, про запас – «по-хорошему злое».

А за окном по проспекту Плеханова уже прогуливались «вооруженные силы»: Капранов и Кульков, Гилгнер и Едешко, Иллюк и Ковыркин, и Андреев, этот аист, приносящий счастье, и гибкий туркестанский змий Жармухамедов, и некто по имени Сергей Белов (однофамилец нашего фаворита), скромный молодой человек, невысокий (192), с лицом цвета слоновой кости, с необъяснимо-печальным и смиренным взглядом.

О боги греческие и римские, невские и коми-пермяцкие! Что делает этот скромняга на площадке! Он нападает на кольцо с фанатически горящим лицом, словно террорист на великого князя Сергея Александровича. Чем труднее матч, тем лучше он играет, и всякий раз, попадая в цель, торжествующе потрясает кулаками.

Опасные эти люди мирно ходили два дня мимо нас и мирно раскланивались. Казались ли мы им, спартаковцы, столь же опасными людьми? Вряд ли. Они были уверены в победе, и не без оснований, они были сильнее нас. И все-таки зря они нас не боялись, все-таки зря, они не учитывали одной важной штуки – того, что мы очень любим играть в баскетбол.

На следующий день «Спартак» отправился гулять по проспекту Руставели по горе Давида, пил газированную воду «Логидзе», хрустел молодой редиской, закупал для мам и невест хозяйственные сумки, которыми столь богат город на Куре и так беден город на Неве, смотрел кинокартину «Песни моря», сделанную усилиями двух стран.

---

⁷ Здесь таится довольно серьезный баскетбольный подтекст, и мы в интересах массового читателя немедленно его вскроем. Дело в том, что Андреев – супергигант, а Белов – гигант обыкновенный. «Саня», по мнению специалистов, идеальный современный баскетболист: двухметровик атлетического сложения, он обладает замечательным дриблингом, острой реакцией, ну а прыжки!.. Сверхвысокие прыжки Белова позволяют ему почти полностью нейтрализовать феномена Андреева. Однако палка о двух концах: андреевские хлопоты мешают Белову атаковать щит армейцев. Занятые друг другом, эти два игрока вихрем несутся по площадке, давая возможность остальным восьми играть в баскетбол. Наверное, они злятся друг на друга: ведь попадать в кольцо каждому хочется.

– Очень подходящая для сегодняшнего дня кинокартина, – сказал Кондрашин. – Боже упаси перед игрой смотреть какую-нибудь хорошую картину. «Песни моря» – настоящая предстартовая картина.

– А стихи можно читать, Владимир Петрович? – спросил Юмашев.

– Со стихами как раз наоборот, – ответил тренер. – Если хорошее, Толя, хотите прочитать, то читайте, сделайте одолжение.

Юмашев тут же прочел знаменитое:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарий чудный звон...

«Большое место в предстартовой подготовке команды занимают культурно-воспитательные мероприятия», – одним-единственным недлинным крючком записал докучливый корреспондент.

Вечером Кондрашин пригласил своих «бойцов» на тренировку. Огромный тбилисский Дворец спорта был пуст, тихие голоса летели под купол и бились там, словно заблудившиеся орлы, и лишь след ступни 54-го калибра говорил о том, что час назад Дворец покинули армейцы.

О Баскетбол проклятый, Ваше Сиятельство Баскетбол! О как ты уже надоел твоим высокорослым подданным! Кажется после какого-нибудь турнира, что год бы не взял мяча в руки, но проходит день-два, и пальцы начинают скучать. Потом начинают скучать локти, плечи, икроножные мышцы и квадрицепсы, и вскоре все тело игрока охватывает неудержимая страсть к Баскетболу.

Утоляя эту жажду, ты высоко подпрыгиваешь и, не спускаясь, бросаешь мяч в корзину, и когда из жадной твоей руки мяч, не касаясь ободка, пролетит через сетку, вот тогда ты почувствуешь удовлетворение. Но этого мало, и так нужно попасть сто, тысячу раз... Сколько раз нужно испытать эту мгновенную физиологическую радость, чтобы пресытиться Баскетболом?

Кондрашин встал под кольцом, а Харитонов на линии аута. Между ними спиной к щиту разместился Белов. Вплотную его прикрывал самый высокорослый спартаковец Иванов. Харитонов бросил мяч Белову, тот подпрыгнул и повернулся в воздухе. Вместе с ним подпрыгнул и Иванов. Мяч над руками Иванова полетел в кольцо. Кондрашин подобрал его и отправил назад Харитонову. Все повторилось.

Так было сделано двадцать раз. Восемь раз Белов попал. Три или четыре раза мяч перехватил Иванов. Лицо Белова иногда передергивалось от боли.

«Нет, не капризничает, опять спина болит, – подумал тренер. – Восемь на двадцать: плохо дело...»

Через четверть часа, когда настил содрогался от топота и стука мячей и когда тренировочный пыл достиг высшего накала, Белов был отправлен на массаж. «Вот уеду в деревню, и все, – думал он, печально шмыгая носом, – уеду в деревню молоко пить...»

А мы забыли про армейцев и про золотые медали и два часа играли в баскетбол за милую душу.

Последняя ночь перед матчем. Урчат, воют, жалобно стонут водопроводные трубы в бывшей «Европе». Дребезжат во всех номерах телефоны: некто таинственный в ночи разыскивает какого-то Гурама Накашидзе.

«Спартак» спит и видит вперемежку то золотые, то серебряные сны. ЦСКА видят только золотые сны: такова установка командования и тренера Гомельского. Толя Юмашев бормочет сквозь сон:

Судьба, как ракета, летит по параболе,
Обычно – во мраке, и реже – по радуге.
...Куда ж я уехал! И черт меня нес
Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Кондрашин, закинув руки за голову, смотрит на эти звезды и думает о своей команде, об этих мальчиках, которых совсем недавно тренировал в детской спортивной школе, о равномерном движении вверх: 68-й год – четвертое место на Всесоюзном турнире, 69-й – бронза, 70-й – серебро, и вот завтра... завтра... Шагнем ли на последнюю ступеньку? Лучше заранее приучить себя к серебру. ЦСКА сильнее. Кто же спорит, они сильнее, но... Но мы, черт возьми, очень любим играть в баскетбол!

Однажды я окучиваль турнепс для своего пферда, а мимо шпацирен юнге фройляйн Мадиссон. О цветущий блум! О цветущий плум!

– Хелло, профессор! – сказала она не без улыбка.

– Гутен морген, мисс.

Она уходиль далеко, и мой херц волновался и грустил. О где майне юность? Всю сожрала баскетбольный злой Чикаго. Колени хрустят, копф совсем уже лысый.

– Окучиваешь турнепс, Цу? – вдруг услышаль я и увидель за забор свой альте тренер и менеджер мистер Маф И. Стоуфолл, который когда-то нашел пеня в Шварцвальд, где я окучиваль картофель.

– Иес, сэр, – подтянулся я по привычке.

– Чикаго проигрывает Далласу, – сказал мистер Стоуфолл. – Ты это знаешь, Цу?

– Ноу, сэр.

– Телевизор-то не включаешь?

– Ноу, сэр.

– А во сне-то видишь? – лукаво прищурился он.

Я очень длинно промолчал.

– Третий месяц бьемся, – вздохнул мистер Стоуфолл. – Счет 4789:5001. Одна надежда на тебя, Цу. Все-таки 98 % попаданий.

– Я слишком альт, сэр, – сказала их и вдруг очень громко кричала: – Хватит баскетбол! Я не могу больше бегать в трусах перед публикум! Я – господин профессор!

– Пятьсот тысяч хочешь? – спросил он.

– Ноу, сэр.

– Вечную молодость небось хочешь, Цу? – Он снял шляпу и почесал рожки. – Мадиссон-то мимо ходит...

– Ноу, ноу, ничего не хотеть...

– Дом отберу, – сказал. – Ты мне должен сто тысяч. Не знал? А у меня счетик за сорок лет твоей службы составлен. Шнурков сколько порвал? Кед сколько износил? Мыла в душевой сколько смылил? Всего по нынешним ценам сто тысяч. Прощайся с домом, Цу!

– Ауфвидирзеен, сэр, – сказал я. – Битте ко всем чертям.

– Охотно, – он надел шляпу и ушел, виляя хвостиком.

Мой пферд горько заржал, а шмуциге хунды тревожно залаляли. Цурюк! Цурюк! Цум тойфель!

День великой сечи выдался дождливым. Тяжелые тучи висели над Мтацминдой. Спартакосцы хмуро позавтракали и поехали на трамвае в школу киномехаников смотреть фильм, который привезли с собой в авоське.

Фильм был узкоплечный, любительский, снятый непонятно на какой скорости. Никто себя не узнавал: по крохотному экрану метались суетливые человечки двадцатых годов.

– Только Чарли Чаплина здесь не хватает, – пошутил Кондрашин. Немного посмеялись, но вскоре настроение опять упало. Желтая Кура уносила к морю непрерывно падающие с небес капли, и это были, конечно, слезы ленинградских любителей баскетбола.

ОНИ СИЛЬНЕЕ НАС ОНИ НАС СИЛЬНЕЕ НАС ОНИ СИЛЬНЕЕ НАС СИЛЬНЕЕ ОНИ

На установочном собрании тоже было пасмурно.

– Саня атаковать не будет, – сказал тренер. – Ты сейчас мало тренируешься, броски у тебя не идут. Попробуем сыграть без тебя.

По дороге из номера к автобусу все сошло благополучно: ни тетка не повстречалась с пустым ведром, ни кошка дорогу не перебежала, но в автобусе выяснилось, что один игрок (страшно даже фамилию называть) забыл кеды!

Пока он, стуча зубами, бегал в номер и обратно, в автобусе все перекрестили пальцы. Впрочем, чего уж там бояться примет – ОНИ ВСЕ РАВНО НАС СИЛЬНЕЕ!

Пока шла разминка, Дворец спорта с медлительной жадностью всасывал в себя толпы болельщиков. Как ни в чем не бывало играла музыка, Реро и Том Джонс... «Зеленые поля», «Дилайла», «Чужак в ночи». Спартаковцы один за другим после бросков тянулись в очередь на следующую атаку и невольно смотрели на другую половину площадки, где стремительно, точно и деловито разминались армейцы.

А ОНИ НА НАС ДАЖЕ ВНИМАНИЯ НЕ ОБРАЩАЛИ

Разминка ЦСКА напоминала работу не очень сложного, но идеально отлаженного механизма. Команда эта, как всегда, вызывала восхищение, но немного и раздражала своей очевидной непобедимостью.

Началось. Белов, конечно, в центре поля перепрыгнул Андреева, но все-таки с первых же минут стало ясно – игра у «Спартака» не заладилась. Совсем не пошли броски у капитана команды Иванова. Не клеилось у Юмашева. С искаженным от боли лицом упал на скамейку Большаков – подвернул ступню. Заморозка не помогла, так он и не вышел на площадку. Бледный до синевы А. Белов выполнил установку тренера, добросовестно трудился в защите, в атаки не ходил.

А ЦСКА между тем спокойно и размеренно набирал очки, как и в том предыдущем матче. Один за другим попадали в цель Кульков и Капранов, С. Белов и Жар. Фатальный разрыв в семь очков, то сжимаясь, то увеличиваясь, все-таки сохранялся.

Должно быть, они сильнее нас как раз на эти семь очков, а может быть, и на все десять. Мы были заторможены, загипнотизированы этой мыслью, и лишь один только Юра Штукин знать ничего не желал. Он атаковал издали и на проходах, дрался под щитом и попадал, попадал один за всех.

Спартаковцы ушли на перерыв, повесив головы. Зловещие семь очков лежали на плечах, как портик Эрмитажа на атлантах. Кондрашин, закусив губу и заложив руки в карманы, последовал за ними в раздевалку.

– Вот позорище-то, – негромко, но вполне внятно заговорил он. – Тоже мне претенденты в чемпионы! Публики бы постыдились. Леня, проснись! Проснитесь, ребята! Перестань жевать, Ваня! Ну-ка выплюнь резинку! Тоже мне Алсиндор! Валера, мяч поймать можешь? Хотя бы мяч поймать?

Харитонов почесал затылок: теперь он их так запугает, что они совсем играть не смогут. Однако Кондрашин-то знал свое дело. Обычно мягкий, добродушно-ироничный со своими «питомцами», он сейчас разорялся не зря. Он понял, что должен взбесить своих заранее смирившихся с поражением «бойцов», впрыснуть им под кожу мощный психологический

допинг, напомнить им, черт возьми, что они были первыми всю осень и всю зиму и что они очень любят играть в баскетбол.

В начале второго тайма вдруг несколько раз попал Иванов. Обычно блуждающая на его лице мягкая улыбка, не менее загадочная, чем улыбка Джоконды, теперь пропала, лицо ожесточенно заострилось. Кондрашин выпустил молодого Арзамаскова. Тот мгновенно поразил кольцо с большого расстояния и стремительно удалился. Кондрашин бросил в бой Волчкова. Евгений вдруг заработал с бешеной энергией, стремясь заменить одновременно и Большакова, и Белова. Не унимался Штукин.

Разрыв сокращался, он сжался вдруг до трех очков, потом до одного... потом... Потом вдруг ЦСКА занервничал.

ОНИ СТАЛИ НА НАС СМОТРЕТЬ!

Надорванным голосом кричал что-то Кульков, а у самого-то было уже четыре фола. С четырьмя фолами играл Жар. Покинул уже площадку «камикадзе» Ковыркин.

Игра закачалась на тонкой спице. Началась эта зыбкая, характерная для сильного, настоящего баскетбола выматывающая нервы качка. И вдруг за три минуты до конца весь стадион и все игроки поняли, что «СПАРТАК» ВЫИГРЫВАЕТ, все в это поверили, и главное – в это поверил мяч.

Баскетбол, разумеется, – это только игра, но в биологическом смысле это, конечно, грандиозная битва, в которой сражаются друг с другом полчища нервных клеток. Бешеный спурт ленинградцев был подобен атаке самых глубоких резервов, последних резервов вроде наполеоновской «старой гвардии», но можно, если угодно, назвать его «вдохновенным порывом».

И в тот миг, когда мяч поверил в победу «Спартака», весь стадион вскочил на ноги, ибо приближалось чудо, а чудо всегда любезно человеческому сердцу.

Невероятными усилиями армейцам удалось вновь оторваться на одно очко. Плясали, убегая в спортивную историю, электрические секунды. Кондрашин пытался перекричать длинный вопль трибун:

– Играйте на Белова! Саня, теперь в атаку!

За восемнадцать секунд до конца герой ленинградского народа Юрий Штукин попал в кольцо и сделал свою команду чемпионом Советского Союза. Восхождение завершилось!

МЫ ЧЕМПИОНЫ!

Армейцы выбрасывали мяч из-за лицевой, уже потеряв свои столь привычные, почти внутриведомственные титулы. Семнадцать секунд, 16, 15, 14, 13, 12, 11, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3... Затем на глазах десятитысячной толпы капитан армейцев Сергей Белов поднялся в воздух.

Это было в углу площадки, под самым табло, на котором в это время 58-ю секунду уже сменяла 59-я. Сколько времени нужно мячу, чтобы с угла площадки описать идеальную траекторию и упасть прямо в кольцо, не задевая ободка? Читатель должен знать, что для этого страшного действия ему нужно меньше одной секунды.

...Рухнули ничком на площадку Саня Белов и Женя Волчков. Взыла сирена.

Я отишень сильно нарушал режим перед сном и глотал фюнф таблет нембутал и потому не видел в ту ночь никакой баскетбол. Господин профессор мирно шляфен, как вдруг он инель вставаль. Возле кровати стояли мои хунды. Один держаль в зубах кеды, другой боевые трусы. Я нитшего не понимай, когда заправлял в свой рот резиновую челюсть, а на глазные яблоки надевал контактные линзы. Под окнами уже оседлавший сам себя мой пферд ржал.

В небе светились лучистые штерны, когда их фарен верхом в пространство, вслед мне летел голубой блум от юнге фройляйн Мадиссон. Луна была похожа на мяч, а кольцо вокруг луны было похоже на... кольцо вокруг мяча. Куда увозил меня в одних трусах мой

неразумный лошадь? Неужели опять на баскетбольную войну? О как плачевен спортивный футурум в мире чистоганного гольда! Форвертс! Форвертс! Надо сравнять счет, а потом я...

Итак, Сергей Белов, совершив свой последний в сезоне террористический акт, убил нового чемпиона. Поаплодируем этому гениальному баскетболисту!

В команде ЦСКА собраны действительно великолепные игроки, и Сергей Белов первый среди них. Великолепная команда, но... знаете ли... некоторым любителям баскетбола все-таки больше нравится «Спартак», в котором собраны не столь великолепные игроки. Что же тут кроется и почему на наших глазах едва не произошло чудо? ЦСКА – это совершенное творение, созданное для победы, для накопления славы. Для победы в данном случае по баскетболу. Делают они свое дело хорошо – побеждают уже десять или сколько там лет подряд.

«Спартак» – несовершенное творение, созданное для игры в баскетбол. Мы хотим, чтобы он выиграл, и он выиграет, а потом наверное проиграет, чтобы следующий раз снова выиграть, а может быть, и наоборот – позорно «продуть»... Пусть он играет за милую душу в свой человеческий, полный надежд и горечи баскетбол.

Кроме того, ни у кого не вызывает сомнений, что когда-нибудь спартаковские «корабелы» построят какой-нибудь замечательный кораблик, инженеры оснастят его приборами, а педагоги поднимут на его мачте флаг адмирала Кондрашина и будут учить на палубе детей баскетболу, астрономии и хорошим манерам.

1980-е годы

Вывод нежелательного гостя из дома⁸

Окружающие знают меня, Мемозова, как сгусток кинетической, электробиологической, парапсихической и половой энергии.

И вот наконец я вступаю в могущественный жилкооператив. Сбылась мечта Мемозова: он живет в могущественной цитадели, гуляет со своей мудрой собакой корейской мясной породы по улице, Мемозов поражает местных дам своей динамической наружностью. Иной раз он проносится на мотоцикле, иной раз – на старинном велосипеде братьев Лениар. Устало порой вылезает из гоночного автомобиля, порой заворачивает с ипподрома на каравом...

Однажды сама Аглая Клукланская, жена именитейшего плакатиста, спросила у лифтерши:

– Чей это каравый, товарищ Никодимова, привязан у подъезда?

– Вашего нового соседа гражданина Мемозова, 1940 года рождения, уроженца Калуги, – не отрываясь от вязальных спиц и строго глядя поверх синих очков, сказала лифтерша Никодимова.

– Он что же, из цирка? – любопытствовала трепетная Аглая.

– Нет, он не циркач, просто приятный мужчина, – ответила Никодимова грудным голосом, которому сама удивилась. Каков Мемозов!

Постепенно по цитадели распространились слухи о моей квартире. Говорили, что сплю я не на заурядной кровати, а в долбленом челне с Печоры. Говорили, что на стенах у меня сплошь иконы, оцененные Всесоюзной пушной палатой в целую партию свободно конвертируемых соболей. Говорили, что с корейской собакой мясной породы в моем доме отлично уживается гималайский орел, которому лишь размах крыльев мешает улететь восвояси. Говорили также, что сам я вечерами распеваю при зажженной лучине псалмы монаха Акакия из Птеробарбудьевской пустыни VIII века.

Короче говоря, на исходе второй недели разведка донесла, что у Клукланских семейное торжество. В шесть вечера начался съезд гостей.

И вот я на пороге.

Глазам Мемозова молодого открылось зрелище стола. Отменный поросенок с кашей среди тонких вин там возлежал. Гусенок жареный соседствовал с пулярой, икрица сизая внедрялась в винегрет, балык прозрачный всем на загляденье в салате нежился, о ротиках мечтая, и всем на загляденье были дамы, среди которых трепетно Аглая хозяйничала острым язычком.

Естественно, все были ошеломлены моим появлением. Я стоял в дверях, широкогрудый и стройный, как гусар времен Аустерлица, и, словно кивер, держал в руке свой скромный дар.

Во главе стола приютился именитый плакатист Клукланский. В творчестве своем этот незаурядный человек был, как писал критик Смоукшиц, «боевитым и задиристым», в жизни же – сморчок сморчком. Остальные мужчины также не представляли для меня загадки, за исключением полного блондина Алебастрова и жилистого желтовато-жеманного жмурика Игнатьева-Игнатьева.

– Милостивая государыня! – обратился я к Аглае. – В честь вашего семейного торжества, не имею чести знать какого, окажите мне честь принять этот скромный дар, изделие честных умельцев града Китежа, выловленное из пучины лично вашим покорным слугой.

---

⁸ Опубликовано: «Литературная газета», 1969, 8 октября.

И я протянул трепетной хозяйке пузатенький древний самоварчик-икону с музыкальным механизмом и термометром.

Аглая метнула опасливые взгляды на Алебастрова и Игнатьева-Игнатьева и, словно решившись, выдохнула:

– Мемозов...

Вещица вызвала неподдельный живой интерес, близкий к восторгу.

– Без единого гвоздя, судари! – восклицал Клукланский. – Топором и долотом!

За столом царил Алебастров. Он гудел стаканом, подбрасывал под потолок спичечные коробки, тянул пиво через салфетку, брал в рот горящую лампочку. Едва сдерживая улыбку, я смотрел на его жалкие номера, еще в прошлом году изжитые мной из своего арсенала.

Улучив роковую для Алебастрова паузу, я вынул из-за голенища заветные маленькие литавры, вывезенные, кажется, из штата Мадрас, и ударил в них.

Дрожь изумления прокатилась по столу.

– Ах, Мемозов, – прошелестела Аглая. – Правда ли, что вы знаете песни монаха Акакия? Нам так надоели все эти битлз, роллинг стоунс, свингл сингерс, фо бразерс, три систерс севен невьюс энд соу он, всякая модерняга...

– Не песни, Аглаюшка, а псалмы, – поправил я ее, – но это, друг мой, слишком лично. Я спою вам их в более тесном кругу. Сейчас, товарищи, я вам исполню другое выдающееся произведение. «Песня Шивы о том, как его разлучили с дочерью огня Ламитракангнавила-сординджу мхуриал» или что-то в этом роде. Я думаю, перевод не нужен?

Все, потрясенные, молчали, и только Игнатьев-Игнатьев спокойно сказал:

– Конечно, не нужен.

«Ну, подожди ты у меня!» – подумал Мемозов, ударил в литавры и запел страшным голосом на одном из диалектов Индостанского полуострова:

Пламень ужасный высушил кровь!
Как объяснить вам слово любовь?
Демон ужасный простер свои чары!
Нам не увидеть своей бочкотары!
Где же красotka, что выгнула бровь?
Ах, не увижу деву я вновь!

После исполнения песни наступила такая тишина, что слышно было, как обвалилась каша внутри поросенка.

– Вы, видно, много пережили, Мемозов, – прошептала Аглая.

– Об этом, царица моя, в более тесном кругу, – скорее подумал, чем прошептал я, встряхнул своей Искрящейся шевелюрой и звонко сказал: – А еще, судари мои, я могу показать каждому желающему трансцендентальный эффект!

– Это еще что за трансконтинентальный офорт? – неожиданно поморщился дремавший до этого Клукланский.

– Потустороннее действо, – поправился я.

– Так бы и сказали по-нашему. Зачем употреблять международные наукообразные термины? – Хозяин откинулся в легкой дремоте.

– Покажите, покажите, Мемозов! – заволновались, как лопухи под ветром, дамы и главная среди них, как гладиолус, Аглая.

Не заставляя себя упрашивать, я поставил в середине комнаты крепкий стул, водрузил на него для начала Анастасию и коротко объяснил смысл смелого эксперимента:

– Любая персона доброй воли может совершить увлекательное путешествие в запретный мир, замечательное еще и тем, что оно продолжается не более тридцати секунд.

Положив сзади руки на живот Анастасии, я взялся за нижние ребра и поднял в воздух невесомое женское тело.

Здесь не место рассказывать, когда, где и от кого я перенял этот древний мрачный фокус персидских дервишей, здесь я хочу лишь рассказать, как развивались дальнейшие ошеломительные события.

– Ах, – очнувшись, сказала Анастасия изменившимся волшебным голосом, – тридцать веков или тридцать секунд? Время исчезло... Я была пудреницей, розой, я участвовала в фотосинтезе... Ах, Мемозов...

Аглая уже встала, чтобы занять ее место, как вдруг вперед рванулся посрамленный Алебастров:

– Дайте-ка я попробую!

Не успел незадачливый юноша и опомниться, как повис в дымном воздухе на железных руках Мемозова. Запредельное путешествие кооперативного факира продолжалось тридцать три с половиной секунды, после чего Мемозов небрежно швырнул тяжелое тело на кушетку и распорядился:

– Нашатырь, спирт, камфора, монобромата!

– Тяжелая, неразвитая натура. Отстал от жизни, и вот результат, – пояснил я Аглае.

– Мемозов, – восхищенно пробормотала хозяйка, приподнимаясь.

– Позвольте-ка мне, – лениво проговорил жилистый желто-жеманный Игнатьев-Игнатьев, приблизился и вдруг схватил меня двумя пальцами за верхнюю губу. Мемозова двумя пальцами за верхнюю губу! Железной хваткой и со страшной болью!

Я попытался вырваться – боль стала невыносимой!

– Этот прием, – лениво пояснил Игнатьев-Игнатьев, – у древних жителей Пасхи назывался «понюшка». Теперь я могу водить гражданина Мемозова по всему городу и показывать знакомым.

Для демонстрации он подвел меня к источнику света и вдруг весь как-то перевернулся, перекрутился, сжал стальными тисками мою руку, бок, часть бедра и голову.

– А этот прием, – услышал я ленивый голос, – в карате называется «вывод нежелательного гостя из дома»...

– Мемозов, – слабела от смеха Аглая, – эх, Мемозов, Мемозов...

Игнатьев-Игнатьев провел меня, провел Мемозова, сгусток всех энергий, через всю квартиру и выбросил на лестничную площадку.

...Целый час я резал простыни и плел из них веревку. Мой гималайский орел Феликс и собака мясной породы Нюра предпочли скрыться. Наконец веревка была готова, я спустился по ней с балкона и повис перед окном Клукланских.

В комнате колебалось пламя одинокой свечи. Не было и следа роскошной снеди. Гости сидели вокруг круглого стола, по которому двигалось блюдо. Игнатьев-Игнатьев читал нутряным странным голосом вроде бы по-турецки:

– Капкас падэ мною! Адын! В вишине...

Аглая смотрела на него большими глазами. Я потерял сознание. Мемозов потерял сознание!

Когда я очнулся, в комнате сиял яркий свет. Гости расположились под люстрой, словно хоровая капелла. С одухотворенными лицами они пели под электрогитару.

Дирижировал очухавшийся свеженький Алебастров. Аглая смотрела на него большими глазами.

Веревка оборвалась...

Ранимая личность⁹

Вспоминается молодость. В нашей компании было немало славных парней и девчат, будущие архитекторы, писатели, модельеры. Бывало, поем, поем до утра...

Ничем особенным не выделялся среди нас Стас Рассолов. Ну, талант, ну, физическая сила, ну, внешние данные... Никого из нас этими качествами природа не обидела. Одно только было у него особенное, личное, свое – невероятная, жгучая ранимость. Без кожи был человек; разумеется, фигурально, на самом-то деле кожа у Стаса была отменная, хоть подметки штампуй.

Помню пикник. Над лазурными водами Кратовского водохранилища это было. Леночка Рыжикова, юная балерина, вся сияла, вся трепетала, никак не могла успокоиться: вчера у нее был дебют в одном из крупнейших театров республики. Все ее расспрашивали, шумно восхищались, все трепетали синхронно. Один лишь Стас Рассолов, красный от смущения, налегал на сорокапроцентные сырки «Новость», на охотничьи сосиски, на морской гребешок, на копченую глубоководную нототению, на маслины, окорок, грудинку, сало, сдабривая все это пивом, ркацителю, старкой, крюшоном. Говорят, что так бывает – от нервов...

Наконец, уловив паузу в общем восторженном разговоре, Рассолов уставился на Леночку и прогудел через силу:

– Как же, как же... Был я вчера в театре, видел, как ты там резвилась с изяществом бегемотицы. Нет, мамаша, не лезь ты в балет со своими данными. Твое дело четыре «К»: киндер, кюхе, клайде, койка.

Леночка ахнула, сжала руки на груди. На беду, мимо как раз проплывала размокшая газета со статьей о вчерашнем балете. Любой мог прочесть: «Недюжинным темпераментом порадовала зрителей молодая Елена Рыжикова...» Подписана статья была Глебом Латунным, который сидел среди нас и смотрел на Елену.

Дева ударилась в слезы, скользнула в шиповник. Латунный бросился за ней. За ним и мы все устремились.

– Леночка, не обижайся на Стаса. Это он не от хамства; это от смущения. Ты же знаешь, какая он ранимая личность.

Мы оглянулись. Стас сидел над разоренным пикником, курил толстую папиросу и стряхивал пепел в водохранилище. Огромная его фигура была так одинока в этот момент, что у каждого сжалось сердце.

– Пойдемте к нему, – прошептала Леночка.

В другой раз собрались на 28-м этаже. Отмечалась первая книга Глеба Латунного. Стас загудел прямо с порога:

– Здравствуй, здравствуй, графман ты мой несчастный! Стыдно небось на людей смотреть? Ну, ничего, привыкнешь, бездарь моя дремучая!

Родители Латунного ужаснулись, тетя откинулась в полуобмороке, дядя взъерился.

– Не обижайтесь, товарищи, на Стаса, – зашептали мы родственникам. – Это у него не от хамства, это как бы защитная маска, панцирь. Очень ранимая личность, тонкая конструкция, почти без кожи человек, сами видите...

Родители и родственники понимающе закивали, преисполнились к молодому человеку сочувствием.

Весь вечер Рассолов защищался, как мог. Одной рукой сгребая жареную поросятину, другой подливая можжевельку, он поднимал тосты за хозяйку дома, называя ее Терентием

---

⁹ Опубликовано: «Литературная газета», 1970, 21 января.

Николаевичем, и за хозяина, величая его Мартой Львовной. Ушел он с набитыми карманами, нагруженный свертками, уносил недопитое и несъеденное, уносил также гордость семьи – кабинетный набор «Три богатыря». «Марта Львовна» подарил ему набор сразу после того, как Стас, хлопнув его по животу, прогудел снисходительно:

– Пора, Таракан Тараканыч, расставаться с соцнакоплениями.

Мы все смотрели с двадцать восьмого этажа, как одинокая солидная фигура Рассолова пересекала площадь.

– Что-то в нем есть от Печорина, – тихо сказала биолог Зяблова, и в глубоких ее глазах появилась жалость, от которой, как известно, до любви один шаг. – Да, что-то от Печорина или даже скорее от Грушницкого с его серой шинелью.

– А может быть, даже и от раннего Маяковского с его желтой кофтой, – проговорила химик Пхакадзе.

Мы все согласились с девушками. Какая ранимая, незащищенная личность!

Так мы и жили своей веселой дружной компанией вместе с Рассоловым. С годами его ранимость росла. Он начал сморкаться в салфетки, за столом рассказывать самому себе сальные анекдоты, забирал из семейных библиотек книги, из гардеробов галстуки, свитеры и носки, пачкал полы, ломал осветительные и музыкальные приборы, высмеивал общественно полезный и литературно-художественный труд своих собратьев. Называл он нас не иначе как дебилами, маразматиками, нуворишами, амтеллигенцией, хвостами собачьими и лишь по праздникам – мыльными пузырями. Мы не обижались, так как знали, отчего это все происходит – не от хамства, нет, из-за ранимости. Своего рода защитная реакция, наивные, трогательные попытки скрыть свою внутреннюю нежную сущность.

И вот мы состарились. Однажды собрались в Тимирязевском лесопарке и сели в кружок, оплывшие, полубольные. Спели хором какой-то старинный «халигали» (Стас при этом голосил «Ладушку»), а потом замолчали, задумались.

– Скажи, Стас, – сказал я, – вот ты всю жизнь обижал нас, оскорблял, издевался... ведь это же, Стас, у тебя не от хамства – правда? – это у тебя от какой-то глубокой внутренней ранимости, да?

– Пожалуй, вы правы, друзья, – тихим, необычным голосом произнес Рассолов. – Пожалуй, это у меня от ранимости... – он еще подумал с минуту. – А впрочем, должно быть, вы ошибаетесь, друзья. Скорей всего, это у меня от хамства.

Счастье на берегу загрязненного океана¹⁰

В летней творческой командировке на пересечении стальных магистралей встретился мне старый знакомый Мемозов. Ни мне, ни ему эта встреча особого удовольствия не доставила, однако Мемозов не удержался и рассказал очередную поучительную историю из своей жизни. Привожу ее дословно, но, разумеется, с необходимыми сокращениями.

Мемозов, как вам известно, человек простой, но дерзновенный. Сгусток парапсихической энергии и суперинтеллектуал, медиум и йог, он не теряется на крутых виражах судьбы и даже после обморочного падения с пятого этажа никогда не останавливается на достигнутом.

Ну вот к примеру телекинез. Не каждый усилием воли может передвинуть стул с сиденьем из одной комнаты в другую, сварить без огня яйцо вкрутую, остановить между этажами лифт с пассажиркой. Мемозову такие дела по плечу.

Овладев всей этой элементарщиной, я стал подумывать о более сложных контактах с природой, и тогда в моем воображении встал образ Океана. Установить контакт с этим огромным естественным резервуаром энергии. Каково? Смело? Да! Дерзко? Допускаю!

Уж если общаться с Океаном, то без всяких посредников. Золотые рыбки в наш век перевелись, милостивые государи, планктон не тот. Нептун, Посейдон и прочая мифология сданы в архив, в неполную среднюю школу. Современная нормально развитая личность (к сожалению, я лично не насчитаю и двух таких персон) может наладить прямой контакт с Океаном и добиться от него всего самого заветного, самого желанного.

У Мемозова слова не расходятся с делом, и вот однажды я сказал красавице Аглае:

— Пора кончать, Аглая! Пора кончать с вашим мужем, с вашей квартирой, с детьми, с авто. Пора опроститься, стать лицом к природе, уехать куда-нибудь на океанский громокипящий берег, жить среди тихих селян, среди (????), а лучше в полном уединении. Я буду ловить своим неводом, ну рыбу, вы — ну прясть там свою пряжу, что ли...

У Мемозова, повторяю, слова никогда не расходятся с делом, и вот мы на берегу Океана. Идем с Аглаей по пружинистым дюнам в македонских (производство города Скопле) туфлях, которые в районе Центрального рынка почтительно называют «вельветами». Больше, к сожалению, похвастаться нечем: уезжали в спешке, родственники Клукланского шли по пятам.

Скажу прямо: Океан был ретив, гремуч, в чем-то, пожалуй, даже красив. Чем-то он неуловимо, бурной ли своей мощью или глубинной тайной, откровенным ли льющим в глаза сексапилом, словом, чем-то он был похож на самого Мемозова.

На берегу было много всякой всячины. Насчет водорослей или там рыбы врать не буду — не видел, зато заметил ряд обнадеживающих элементов: кусок пенопласта, хлорвинила, бензоидных соединений и нефтепродуктов.

Всю ночь Мемозов бодрствовал, бродил по дюнам, чертил на песке каббалистические знаки, возжигал костры из птичьих перьев и зоо генанте гуано, бормотал и пел свои огневые экспромты, налаживал с Океаном телекинетическую и парапсихическую связь. И вот лишь только над горизонтом встала, играя перстами, розовокудрая Эос, Мемозов склонился к воде и прошептал:

— Давай, свободная стихия!

Я знал, что Океан ответит, но не предполагал, что сразу и в такой открытой, почти незавуалированной форме. Едва отзвучало над простором эхо моих слов, как расторопная волна оставила у моих ног почти неношенные джинсы фирмы «Братья Шиверс в штате Оре-

---

¹⁰ Опубликовано: «Литературная газета», 1970, 23 сентября.

гон с дочерними предприятиями на архипелаге Рю-Кю». Разумеется, я давно знал об этой фирме, давно с симпатией следил за ее экспансией на мировом рынке, и вот результат – первый контакт с Океаном обернулся большой жизненной удачей.

Очистив новоявленный предмет от пленки какого-то нефтепродукта, я натянул его на свои чресла. Братья Шиверс обтянули миниатюрный, крепкосколоченный зад Мемозова, как вторая кожа. В замшевом кармане под коленом я обнаружил коробочку рольмопса на завтрак. На коробочке, как я и предполагал, красивой вязью было написано «Рольмопсус Фундиади и сыновья. Салоники, Пирей, Фамагуста».

Съев замечательный белковый продукт с привкусом глютаминовой кислоты, я понял, что нынешний сезон обернется для меня торжеством и удачей, и осенью я заставлю кооператив забыть о моем неудачном дебюте и о жалком примитиве Игнатъеве-Игнатъеве, которому еще...

Мемозов пересек линию авантюры и застал синеокою за утренним туалетом. Фемина непринужденно ублажала кожу чудо-кремом «Фуффи» («Боинг эркрафт корпорейшн»), орошала спину из пульверизатора «Пупси» («Дженераль электрик» в содружестве с «Роллс-Ройсом»), подмазывала губки и ушки огнедышащей помадой «Финик» (Международный консорциум Каптекс «ойл плюс Свифт энд Армор унд Порк Кабанос»). Над неглупой головкой Аглаи мудрила новинка – транзисторный парикмахер «Жупело» («Шиппинг билдинг и пэтейтос»), похожий на автомобиль «Фольксваген» с прицепом.

Все это было принесено Океаном и причем без всякого надрыва, напряжения, без намеков и укоризны. Наоборот, Океан был чрезвычайно рад установленному контакту. Сверкая под утренним солнцем, он плясал у моих ног, как ансамбль Моисеева (Государственная филармония), и подбрасывал на своих гребнях расчески «Филипс», очки «Феррэри», запонки «ИГ Фарбен», ботинки «Каратега», связанные попарно...

Я усмехнулся:

– Ну, довольно, довольно, на сегодня хватит.

Океан мигом успокоился и разлегся у ног Мемозова, нежась под солнцем, как синтетический медведь «Вогью Мицубиси».

Разумеется, рядом со мной уже стоял стереофонический, скопический-десятидорожечный видео-звуко-фоно-органо-гитара-мопед под общим названием «Галакси-Лаж».

Разъезжая на «Галакси-Лаж» вдоль берега, Мемозов, наигрывая на нем, записывал, прослушивал и просматривал свой экспромт «Улыбка Океана»:

Рыбу, краба и медузу
Оставляем деду Крузо!
Вынимаем мини-макси,
Разъезжая на «Галакси»!
Вдоль татранового пляжа
Пусть сверкает наша лажа!
Как приятно на гитаре
Помечтать о Бочкотаре!
Расправляя телекрылья,
Конденсируем усилья,
И изделия разных стран
Нам приносит Океан!
Океан, Океан, улыбнитесь!
Океан, Океан, не скупитесь!

Так мы и жили втроем душа в душу весь купальный сезон. Контакт был полный и всесторонний. Захочешь книжку почитать – тут же перед тобой «Тропик Рака», в переводе на урду, причем раскрытый на самом интересном месте, захочешь кирнуть – полбанки уже подплывает и без всяких там глупых записок с координатами, а с чистейшим джином «Рэй Туззо». Пришла идея зубы почистить, и уже тюбик колбасно-витаминного фарша «Геркуланум» у тебя во рту. Чуть похолодает, малейшие пупырышки на коже – и на твоих плечах полупроводниковый калориферный свитер марки «Зуссман».

– Счастлива ли ты, Аглая? – спрашивал я порой подругу дней своих суровых.

– Си, синьор, – неизменно отвечала она, кутаясь в мех «Фокс-Вулф» или нежась в радужном бикини с автографом Дома Джонса на видном месте.

Только один раз океан сделал промашку, грубую, но в общем и целом простительную. Как-то в состоянии глубокой медитации я проголодался, и он тут же взметнулся, рассыпал брызги и оставил на берегу блюдо жареных курчат фирмы «Хитроу кемикл» из Лиссабона, которую я решительно бойкотирую.

– Стыдно, Океаша, – по-свойски упрекнул я его, и он мгновенно понял свою ошибку, слизнул курчат, разметал по всему пляжу значки с надписью «Хитроу кемикл на свалку!» и сунул мне в рот сочную котлетину «Кууфрэг» (Матушка Плюмаж в Макао и Цинциннати) с сельдереем.

Больше осечек у него не было. Продукция поступала из солидных известных фирм с неподмоченной репутацией, к концу лета я был окружен прекраснейшими предметами и берег стал напоминать то ли экибишн в Монреале, то ли толкучку в Клайпеде.

Чуткая Аглая начала понемногу нервничать, понемногу метаться среди предметов с ярлыками в поисках своего места. У нее хватило ума прекратить всяческие разговоры и попытаться ради спасения имитировать пластически-кинетическую скульптуру, однако...

Мемозов все чаще останавливал на ней свой взгляд василиска, все чаще он приближался к одной естественной в этих условиях мысли. Да, он пытался прогнать эту мысль, он был все-таки немного сентиментален, этот железный Мемозов, но Океан уже уловил его мысль, уже возникал в нем недвусмысленный смерч, над головой Аглаи собирались тучи.

И вот пришла ночь, когда мысль Мемозова окончательно откристаллизовалась, мгновенно проворные волны ворвались на пляж и увлекли в темень пучины безмолвное тело Аглаи. До рассвета над горизонтом полыхали зарницы, ветвились молнии, шла нелегкая интересная работа и... лишь только над умиротворенным простором встала, играя перстами, розовокудрая Эос, я увидел на тартановом пляже усовершенствованное тело Аглаи. На розовой пятке фемины отчетливо виднелось художественное клеймо со знаком качества: «Фифти сенчури гнедиге фрау. Фирма Универсаль с приветом и комплиментом».

– В общем вас можно поздравить, Мемозов? – спросил я.

– Дудки, – мрачно ответил он. – Когда я привез свои вещи домой, оказалось, что все мужланы в нашем кооперативе отрастили себе бакенбарды, а я, как всегда, остался у разбитого корыта. Хватит с меня, я меняюсь...

Феномен пузыря¹¹

(Рассказ из романа «Мужской клуб»)

Однажды засиделась за поздним разговором мужская компания, шесть или семь персон.

– Все-таки я чего-то где-то не понимаю, – сказал рядовой интеллигент Одудовский.

– Где-то по большому счету что-то от меня скрыто. Вы знаете, товарищи, я недавно вселился в объект своей давней мечты, а сантехника до вчерашнего дня не была у нас налажена. Это глубоко беспокоило, тревожило, порой ярило. Трижды я обращался к старшему слесарю объекта моей давней мечты, товарищу Наливайко, я требовал, молил, но все было тщетно, Наливайко оставался глух.

И вот сегодня утром я спустился в подвал объекта моей давней мечты...

– Да что это, «объект моей давней мечты»? – раздраженно спросил начальник автоколонны Гайкер.

– Ну... жилкооператив, – смущенно потупился Одудовский.

– Так бы и говорили. Вечно напустят туману, – проворчал Гайкер.

Одудовский продолжал:

– Итак, я спустился в подвал и вижу лежат на полу товарищ Наливайко и его подручный Алеша Сырников. Чтобы не выделяться, я тоже прилег рядом с ними.

– Послушайте, товарищи, начал я, но Наливайко прервал меня усталым человеческим голосом:

– Сходил бы ты за бутылкой, друг...

И вот представьте себе чудо, выпив бутылку московской (2 рубля 87 копеек) и съев банку бычков в томате (50 коп.), Наливайко и Сырников немедленно отправились ко мне и за полчаса наладили сантехнику. Какая-то фантастика!

– Что же вас поражает в этой истории? – с еще большим раздражением спросил Гайкер.

– Но ведь я готов был дать им даже 10 рублей! – воскликнул Одудовский. – Я неоднократно намекал, говорил все, что полагается – «Я вам буду благодарен», «не обижу», «договоримся», даже «за мной не заржавеет», но ничего не помогало.

– Жизни не знаете, – сказал Гайкер. – Надо было сразу сказать «с меня бутылка» и все.

– А еще лучше «полбанки». Так ближе к жизни, – сказал кинорежиссер Железнов-Птицын.

Гайкер откашлялся и повел рассказ:

– Вот недавно наша автоколонна опоздала к переправе. Паром уже полтора часа не работал, нужно было ждать утра. И что бы вы думали, ребята? – сардонические морщины на лице Гайкера разгладились, глаза заголубели, – и чтобы вы думали, одна маленькая поллитра помогла сберечь тысячи государственных рублей! Паром заработал!

– Что такое рубль, деньги! Это символ, не так ли? – режиссер Железнов-Птицын начал мыслить прямо у нас на глазах.

– Пол-литра же для некоторых лиц тоже становится в некотором роде символом, причем символом более весомым, потому что за ним скрыто совершенно конкретное содержание, а рубль это еще вопрос. Таким образом, порой для некоторых лиц символ «пол-литра» становится сильнее, чем символ «рубль», не говоря уже о таких символах, как «долг» или «честь».

---

¹¹ Опубликовано: «Литературная газета», 1969, 19 ноября.

Вот мне, например, уже две недели не дают для съемок пятый павильон, говорят, что лесу нет, не завезли, а между тем молокосос Шипанский все эти две недели снимает в пятом павильоне на моем лесе свою дипломную работу.

Почему? Гарик, говорю я ему, сознайся! Чего же скрывать, отвечает он, три пол-литра и кило вареной колбасы.

– В этом деле, товарищи, нельзя торопиться, рубить с плеча, – сказал архитектор Кольчатый.

– Может быть, здесь есть и прогрессивный смысл. Вот вам, Железнов-Птицын, не повезло с «пол-литрой», а Одудовский наладил себе сантехнику, а Гайкер, к примеру, благодаря «пол-литре» сберег тысячи государственных рублей.

Возьмите меня, Железнов-Птицын.

Вы знаете, что я автор стадиона в среднеазиатском городе N. В газетах писали так: «Стадион взметнулся над городом будто гигантский парус!» Почему же как парус, а не как примитивная чаша? Только благодаря бутылке, полбанке, калгашнику, пузырю, называйте, как хотите.

Дело в том, товарищи, что уже в процессе стройки усилиями ретроградов было принято решение, подрезающее мой парус под самый корень. Я знал, что бумага с решением должна была прийти на стройку через сутки. В отчаянии я завез в прорабскую будку энное количество этих... ну, вы сами понимаете... пузырей, и «каркас паруса» был поставлен за одну ночь... Бумага опоздала!

Разошлись поздно, так и не придя к общему мнению.

Естественно, до рассвета я не сомкнул глаз, думая о феномене пузыря. Рассказ был почти готов, но не было концовки.

Утром жена сказала:

– Сегодня в школе родительское собрание. Сходишь?

– Договоримся, – хмуро пробормотал я.

– Это в каком же смысле? – удивилась жена.

Я показал ей из-под полы кулак с оттопыренными пальцами, мизинцем и большим.

– Что с тобой? – вскричала жена.

– Пузырек надо поставить, дорогая. Тогда и на собрание сходим...

Жена вышла, хлопнув дверью.

Разумеется, этот диалог не мог стать концовкой рассказа.

Тогда я занял позицию возле телефона. Через пять минут позвонил товарищу. Мы должны были сговориться насчет партии в теннис.

– Итак, старик, – сказал товарищ. – Как уговорились?

– Могу и передумать, – мрачно сказал я. – Поставишь бутылку – сыграю.

Он изумленно захохотал, потому что играл в сотни, в тысячи раз лучше меня. Он наивно воображал, что это он мне делает одолжение, однако просчитался.

– Ну, хорошо, – сказал он, отсмеявшись, – полбанки с меня.

– 1:1, – подумал я, вешая трубку. – 1:1, а концовки нет.

Наконец, позвонили из издательства.

Звонок, которого я ждал уже три с половиной года, в течение которых у меня выпало три зуба, проявилась вегетативная дистония, дети подросли и серьезно задумались о выборе жизненного пути.

– Это молодой писатель А.? – дребезжащим уже голосом спросила некогда молодая секретарша. – Пришла верстка вашей книги. Заходите.

– Сегодня не смогу, – вяло сказал я.

– А когда сможете? – изумленно воскликнула секретарша.

Она привыкла при таких известиях к воплям радости, к рыданиям и инфарктам.

– Точно не знаю. Загружен. Зависит от вас, – проямлил я.

– В каком же смысле! – ахнула секретарша.

– Неужели не понимаете? – удивился я. – В смысле Поллитревича и Закусонского...

Передайте директору издательства, пусть ставит калгашник.

Она осторожно повесила трубку. Концовки не получилось.

Тогда я решился на невероятный поступок – снял трубку и позвонил в ресторан «Славянский базар».

– Уот ду ю уонт, сэр? – предупредительно спросили в «Базаре».

– Я бы хотел заказать у вас обед, – сказал я.

– Инкредибл! Холли хелл! Крейзи мен! – вскричали в «Базаре».

– Чокнулись, что ли, гражданин?

– Пузырь с меня, начальник, – сумрачно проговорил я, и все переменялось – перейдя на мой родной язык, «Базар» заказ принял.

Позвонили из издательства, и сказали, что директор согласен выставить мне калгашник. Вошла жена и дала понять, что готова принять мое предложение. Все складывалось в мою пользу, а концовки не было.

Промучившись часа два, я отправился в «Гастроном», поставил сам себе «пузырь» и, таким образом, найдена была концовка, о которой я предпочитаю умолчать.

В ожидании Вани-золотушника¹²

(рассказ из романа «Мужской клуб»)

Однажды Алик Неяркий, махнув рукой на спорт и свободу, записался в Энский таксопарк. Наставником и сменщиком его стал Ральф Понтягин, старый, опытный московский таксист.

Всем известна песня, в которой звучат волшебные и правдивые слова:

– Есть одна у летчика мечта – Высота, высота...

Летчик мечтает о высоте, подводник о глубине, таксист Ральф Понтягин мечтал о «Ване-золотушнике». Мечту эту Понтягин лелеял с самого начала пятидесятих годов и не расставался с ней никогда, она его грела. Выглядела эта мечта так. Вот идет Понтягин, посвистывая, пощелкивая зубами, вдоль очереди «гостей столицы» на Казанском вокзале. Ваню покрикивает: «Кому на Савеловский?.. Кому в Фили?» И вдруг – бенц! Идет, идет любимый Ваня-золотушник в телогрейке из трико «бостон», в малахае из чернобурок, с двумя деревянными чемоданами на замочках. Идет огромный, румяный, уже малость «на косаре», веселый и добрый. Влезает Ваня прямо в понтягинскую машину, знает куда! Влезает, развешивает по всему салону гирлянды сторублевков... Едем, как на свадьбу!

– Откуда? – спрашивает Понтягин с трепетом.

– Оттуда, – басит Ваня.

– Понимаю, – радостно говорит Понтягин. – Копаете?

– Копаем, – говорит Ваня. – Давай-ка, шеф, мы с тобой до Сочей прокатимся, искупаться охота...

Вот какой у Вани принцип – живу и наслаждаюсь!

– Фантазия, фикция, – усмехался на эту мечту Алик Неяркий, – таких «золотушников» сейчас не бывает. Сказки сочиняешь, Понтягин.

Но у пожилого человека мечту отобрать трудно. Понтягин отмахивался от слов Неяркого и видел прямо как наяву... Вот он подъезжает к Домодедовскому аэропорту, где финишируют, как известно, транссибирские лайнеры. Стоит Понтягин в стороне, терпеливо ждет, всем отказывает. Молодоженам отказал – раз, академику-генералу отказал – два, грузинам отказал – три!!! И вот она, награда за терпение – идет, идет прямо к нему любимый Ваня-золотушник.

Вот мчатся они ночью к огням столицы. Ваня на заднем сиденье икру лососевую кушает, коньячком клокочет, а Понтягин от счастья поет, смотрит на преогромнейший, со «Спидолу» величиной, самородок с надписью:

– «Ральфу от Вани. Из Сибири с любовью».

– Про самородок – это ты здорово, – раскрыл рот Алик Неяркий. – Самородок – это крепко, а вот насчет икры, это уж ты брось!

И вот однажды прямо в Центре, не поверите ли, на Плющихе, в самой заурядной толчее влезает в понтягинскую машину Ваня-золотушник, голодный и холодный и без рубля денег. Бывает так? Я спрашиваю, так бывает? Конечно, бывает, и никто не гарантирован.

Ведет Понтягин Ваню-золотушника к себе домой, знакомит с супругой, с братьями, хлебают они совместный борщ, дают пузырь, откровенничают.

Укладывает Понтягин Ваню-золотушника на главную койку, ночью встает, поправляет одеяло.

---

¹² Опубликовано: «Литературная газета», 1970, 26 августа под названием «Мечта таксиста», с разночтениями.

На следующий день Понтягин покупает Ване туфли, кашне, билет до места жительства, дает три рубля. До свидания, Ваня-золотушник! Жду тебя на следующий год, Ваня, дорогой ты мой человек!

– Ведь мне, Алик, от него никаких бешеных денег не нужно, – вдруг признался Понтягин Неяркому. – Мне важно, чтоб он был, Ваня-мой-золотушник, чтоб существовал в природе...

– Вот это я уже понимаю, – солидно сказал Алик. – Понимаю и уважаю Вас, Ральф Понтягин, за красивую человеческую мечту.

В свете подготовки к предстоящей весне¹³

(рассказ без единого своего слова)

Однажды на одном из аэродромов в ожидании самолета я читал областную молодежную газету. Самолет запаздывал, и мне пришла в голову идея сложить «высокохудожественное» произведение из вполне доброкачественных словесных блоков, которыми пользовались сотрудники этой газеты.

В свете подготовки к предстоящей весне я коренным образом пересмотрел ранее сложившиеся взгляды на проблемы любви и дружбы и тщательно взвесил все свои заветные планы и замыслы. Весна – самая благодатная пора для принятия дополнительных мер и для дальнейшего накопления. В арсенале любого юноши имеется четко разработанная технология по эффективному использованию природных резервов.

С этими благородными помыслами и чаяниями я вышел на широкую магистраль нашего районного центра.

По широкой магистрали двигалась небезызвестная и даже известная далеко за пределами Люба Коретко. Оперативно маневрируя внутренними ресурсами, она двигалась в направлении живописного водоема, и каждый ее благородный шаг в этом направлении встречал у меня горячее сочувствие. В свою очередь сделав определенные шаги в сторону сближения, я пошел рядом с Любой как неотъемлемая составная часть.

Недавно в жизни Любы произошло радостное событие. Она внесла ряд предложений по внесению дополнительных сил и средств в молодежную копилку, вписав таким образом еще одну яркую страницу в летопись Квазиморшанска.

В ходе выполнения поставленных перед собой насущных задач Любе пришлось столкнуться с рядом непредвиденных трудностей. Узнали об этом девчата и пришли ей на помощь. Общими усилиями они преподнесли своему вожаку памятный подарок. Таким образом, на долю Любы выпал триумфальный успех.

Итак, демонстрируя возросшее единство, мы двигались с Любой Коретко к обширному водоему, одной из главных достопримечательностей нашего края, всегда производящей неизгладимое впечатление на квазиморшанцев и гостей райцентра.

Вокруг шелестели и радовали глаз своим зеленым убранством леса, сады и огороды. Квазиморшанцы и гости райцентра повсюду возводили светлые удобные жилища. В их практике давно уже укрепилась тенденция использовать максимум энергии для достижения поставленной цели. Покоряя всех присутствующих своими прыжками, мимо проносились наши спортсмены. На груди у каждого красовались красочные эмблемы. Они неслись мимо нас с присущим им огоньком и задором.

Перед водоемом простирался луг, огромный источник кормовых ресурсов. На краю луга как живое олицетворение высился величественный памятник Пушкину. Поза поэта свидетельствовала о большом воодушевлении и неисчерпаемом кладезе талантов.

Увы, возле монумента стоял небезызвестный и даже пресловутый, а может быть, даже и печально известный демобилизованный воин, питомец высшей школы, квазиморшанский умелец Боря Нечитайло. Он радовал глаз, вызывал законную гордость, хорошую зависть и отрицательное воздействие. На лице Любы отразилось удовлетворение достигнутой целью. Представители молодежи встретились тепло и сердечно. Учитывая это, следует сказать, что далеко еще не изжиты у нас случаи подмены подлинных отношений отношениями необязательными, случайными.

– Пушкин, – сказал я, – выдающийся классический поэт широчайшего диапазона...

---

¹³ Опубликовано: «Юность», 1969, № 4.

– Верно, – перехватил инициативу Боря. – На лицевом счету Пушкина множество стихотворений, поэм и баллад и его по праву можно назвать лучшим бомбардиром нашей ледовой дружины.

– Знаешь, Боря, – парировал я, – пора уже прекратить практику снятия сливок. Это не только сбережет дополнительные средства, но и увеличит меры экономического стимулирования. Здесь не может быть компромиссов, Борис!

– Каждый человек, – не унимался Нечитайло, – должен учитывать в своем развитии мудрую красоту величайших шедевров, которые никогда не утрачивают присущего им огонька и задора.

Лицо Любы озарилось большим неподдельным чувством.

– Каждый человек должен внести свой вклад в общую сокровищницу, – пробормотал я. – Поручкой тому – смелые поиски, созидательная энергия...

На лице Любы мелькнула тень неразрешимых противоречий. Это был прямой результат грубой провокации и зловещего клубка мрачной статистики.

– Знаете ли, Иннокентий, – сказала она мне, – вы не просто человек, вы Человек с большой буквы. Я не говорю вам прощай, я говорю – до свидания.

Они ушли в сторону водоема, демонстрируя крепнущее единство, а я пошел в обратном направлении и влился в мощный пассажиропоток квазиморшанцев и гостей райцентра...

...рассказ можно было бы продолжить. Примечательно то, что каждый может последовать моему примеру, вооружившись ножницами и скукой.

Промежуточная посадка в Сайгоне¹⁴

Уже полчаса самолет идет так низко, что видны даже какие-то лодочки на реке, какие-то строения среди бледно-зеленых геометрически расчерченных полей.

Просыпаются испанские баскетболисты, заглядывают в окна, мучаются со своими невозможно длинными ногами. Монахини отрываются от вязания, нежными взглядами ищут стюардессу. Делегация Центросоюза прекратила разгадывание кроссворда. В первом классе активно освежаются джином. Там старший стюард ловко двигается с пузырящимися стаканами, осыпает господ восхищенными улыбками – как это ловко вы придумали, сэр, еще раз двойную порцию, гениальная идея, браво, синьор! Однако и он нет-нет да взглянет в иллюминатор – посадка сильно задерживается.

Становится душно. Капли пота появились даже на щеках японцев.

Наконец, объявление по радио: посадка в Сайгоне была задержана из-за военных мероприятий.

Снизу, из-под нас, как будто бы прямо из-под крыла, один за другим вырываются и уходят в необозримо-серое небо три «старфайера». Три сгустка человеческого гения, творческих возможностей просвещенного человечества. Кто там сидит в катапультирующихся креслах, в высотных комбинезонах и гермошлемах? Три сангвиника, три меланхолика? Три меланхолика, думаю я, наблюдая, как гаснут в сером небе тускло светящиеся точки. Куда, на какую поживу вылетели три меланхолика в «старфайерах»?

Это было печальное утро, неладное, душное утро, и все, кто находился на огромном аэродромном поле и в низком здании аэропорта под серым томительным небом, все, казалось, встали с левой ноги.

Солдаты шли через весь аэродром без строя, вялой отарой, с мешками и чемоданами в руках; они входили в международную зону, смешивались с пестрой разноязыкой толпой, топтались, поджидая своих товарищей, растянувшихся по всему полю, посматривали на «космополитический сброд» с провинциально кривыми ухмылками; но и в толпе пассажиров не было оживления, обычного для интерконтинентальных авиатрасс, – все тоже топтались будто с похмелья, глотая мокрый серый воздух, странно поглядывая на солдат; лишь итальянские манекенщицы с нашего самолета сохраняли профессионально удивленное широкоглазие, профессионально поворачивались, фиксируя каждую позу хоть на мгновение, хоть на два, и потому по лицам солдат прошла слабая тень улыбки, а потом прошла волна чуть посильнее – при виде пива за стеклами международного бара.

По транзитной карточке «Эр Франса» я получил чашку кофе и сел к столу возле стеклянной стены. Я чувствовал одиночество какого-то особого рода, одиночество почти полное, почти космическое в этом мире «старфайеров», «глобмастеров» и вяло бредущих солдат, как будто само мое пребывание здесь уничтожало все – и искрящийся снег того крохотного городка, о котором я вспоминал в полете, и все танцы юности с хлопками и поцелуями, и шумные выпивки с друзьями, и минуты вдохновения, минуты конца работы, начало всех работ, мои блуждания по миру, мрамор Дубровника, минуты любви, моих друзей из квартала Синдзюко, которые ждут, а может быть, ждали, а сейчас уже не ждут. Как будто ничего уже в мире, в прекрасном яростном мире, как сказал Платонов, ничего уже не существует, кроме этого душного серого утра бредовых «военных мероприятий».

За стеклом прошел некто юношески стройный с седыми висками, с тремя крупными звездами на рубашке, с кожаным деловым портфелем. Перед ним, пятясь задом, мелко перебирая ногами, поспешала группа фоторепортеров. Среди них, весьма ловких и по-репортер-

---

¹⁴ Опубликовано: «Труд», 1969, 14 мая.

ски приличных, также бежал задом и щелкал совершенно неприличный толстяк в гавайской рубашке, в шортах.

Бар и зал ожидания были уже полны солдат, солдатского запаха, вещмешков, кованых сапог, шевронов «ю эс арми Окинава». Среди расплывшихся, вялых, туманных мелькали каменно-замкнутые лица южновьетнамских военных, над головами проплывали высокие бокалы с пивом, хлопали пробки, вскрывались банки, стоял глухой монотонный звук голосов, входили все новые и новые, и вот вошел, наконец, мой любимый американец.

Да, это был он, широкоплечий, узкобедный, коротко стриженный, с резкими чертами обветренного лица, с неторопливыми уверенными движениями. Да, это был он, волшебный снайпер Ринго Кид из фильма «Дилижанс», замечательный Ринго Кид моей далекой юности, убивший сразу трех бандитов, трех братьев Пальмер, и спасший всех, кого еще можно было спасти.

А он-то как здесь оказался, мой Ринго Кид, что ему-то здесь понадобилось в это неладное утро?

Он положил на пол свой вещмешок и сел прямо за моей спиной и иногда, покачиваясь, касался своими лопатками моих лопаток.

– Как самочувствие? – спросил кто-то из его товарищей.

– Башка болит, – ответил Ринго.

– Пива?

– Конечно.

Им принесли пива, и они погрузились в молчание.

За стеклом в чрево «глобмастера» въезжали открытые машины с ранеными. Маячили подтянутые загипсованные конечности, головы, как белые шары. Стонов не было слышно.

Ринго Кид молча пил пиво с тремя братьями Пальмер.

Я встал и направился к стойке, по дороге обернулся, пытаюсь поймать его взгляд. Ринго Кид взглянул на меня безучастно, как будто не знал, что я смотрел «Дилижанс» десять или двенадцать раз, отвернулся, перекинул ногу на ногу, закурил.

Кто-то подошел, встал со мной рядом. Я покосился и сразу узнал его, другого моего знакомого, громоздкого, добродушно-хмельного: слегка отвисшее пузо, отвисшие щеки, мужчина в соку, жесткие волосы из-под майки, на обезьяньих лапах синие буковки «never forget», – чистягу парня, невинного слугу истории, да, это он.

Да, это он, я помню, тащил за собой связанных по горло одной проволокой троих пленных. Самый удобный способ конвоирования пленных: одну проволоку обматывают вокруг трех худеньких горл и тащат их за собой, благо мускулы позволяют.

Да, это он, я помню, лет двадцать пять назад тащил на спине нетяжелый мешок с банками газа. Грубое сукно плотно облегало его ляжки, китель был чуть расстегнут, он фыркал от полного физиологического удовлетворения.

Да, это он, я помню, на Украине в восемнадцатом году, в наброшенном на покатые плечи нагольном тулупе ковырял в носу, стоя у фанерной перегородки, за которой слышался непрерывный, но тихий человеческий стон... в маленьком домике с тремя белыми колоннами, почти патриархальном... Да, это он...

И дальше, и дальше: тридцатилетняя война... Отбившаяся от войска шайка мародеров, хоронясь за сливовыми деревьями, ночью, как псы, – в маленький городок...

Сейчас он хмыкал, кряхтел, отплеывался, потом запел:

Однажды на опушке
в тени высоких скал
Красивую бабешку

Волчишка повстречал...

Мне надо лететь, подумал я, в данный момент я защищенный международными правилами транзитный пассажир, меня ждут в квартале Синдзюко, мне надо лететь, может быть, уже объявлена посадка...

Я пошел к выходу, но он загородил мне дорогу,дохнул в лицо полинезийской самогонкой.

– Эй, парень, отгадай загадку: рыло, как мыло, а мыло со склада, кто директор фирмы?

– Пропустите, – сказал я.

Он толкнул меня плечом, хохотнул, потом сурово сдвинул брови.

– Какого полка? Почему не в форме?

– Я транзитный пассажир «Эр Франса», а вы... – начал я, повышая голос.

Он расплылся в улыбке, расшаркался тяжелыми ботинками, любезно растопырил руки.

– Приятно познакомиться...

– Напрасно стараетесь! – выкрикнул я. – Перестаньте темнить! Я вас узнал! Это вы пленных... проволокой...

Мы летели дальше. В самолете было прохладно, уютно, привычно. Мы поднимались все выше, удаляясь от этого гиблого утра, вдали что-то слабо голубело.

Стюардесса подала мне свежую газету – это оказалась «Джапан таймс». На первой полосе был большой снимок: свалившийся в джунгли горящий вертолет и разбегающиеся в разные стороны братья Пальмер, а впереди угасающий с гримасой мучительного угасания, смертельно раненный Ринго Кид, волшебный снайпер из фильма «Дилижанс». Да, это был он, невозможно было его не узнать, но этого не может быть! Ведь он все еще пьет пиво в международном баре Сайгонского аэропорта, им принесли не меньше десяти бутылок. События не могут развиваться так стремительно.

А может быть, могут.

А может быть, это уже было.

Может быть, Ринго Кид убит раз и навсегда, хотя он еще тянет пиво в международном баре?

Испанские баскетболисты надели черные наглазники, чтобы погрузиться в кастильскую ночь и вздремнуть. В пальцах монахинь запорхали вязальные спицы. С сияющей улыбкой прошел по самолету элегантный стюард.

Я глянул в иллюминатор. Внизу, глубоко внизу, в серо-голубой дымке вдруг появился маленький язычок пламени, подержался минуту и исчез, чуть-чуть сгустилась на этом месте серо-голубая дымка.

Что это было? Может быть, лопнул очередной вертолет, прошитый очередью через бензобак?

Нет, скорей всего это вспыхнула одна из множества соломенных хижин, горящих сейчас на измученной вьетнамской земле.

Ржавая канатная дорога¹⁵

– Вы обещали мне подъем по канатной дороге, – сказала Алиса.

– Обещал, не отрицаю, – отозвался Тоб.

Они прошли мимо бульонного киоска, откуда разило бульоном, мимо рекламной тумбы, с которой улыбнулись им общие знакомые, столичные так называемые «артисты», мимо скромного городского туалета, возле которого обычно собирались местные филателисты, и оказались на бетонированной площадке канатной дороги, где прежде всего бросалась в глаза табличка: «Стоимость билета 10 копеек».

«Подозрительная дешевизна», – подумал Тоб и сказал, кашлянув:

– Подозрительная дешевизна...

«Трус, ничтожество, милый», – подумала Алиса и потянула его за руку.

– Ну пойдемте же, Тоб, пойдемте, вы же обещали!

На площадке вращалось огромное черное колесо, падали жирные блямбы мазута, визжал на блоках трос. Бадьи медленно опускались из поднебесья, описывали полукружие и, крикнув, вновь шли вверх, в тучи.

– Одну минутку, сначала ознакомимся с правилами, – сказал Тоб и громко стал читать: – Пассажирам подвесной канатной дороги воспрещается курить, громко разговаривать, перевозить воспламеняющиеся и взрывчатые вещества, собак и домашних животных... Видите, Алиса, мы нарушаем почти все правила.

– Вы меня до слез доведете, – прошептала она.

Ничего не оставалось, как прыгнуть в очередную бадью и прижаться друг к другу, дабы не испачкать ее удивительные джинсы «Ринго» и его голубую пару, из-за которой он чуть не подрался несколько лет назад с диким парагвайцем в очереди на третьем этаже «Галери де Лафайет». Еще в прошлом году канатная дорога перевозила марганцевую руду, но в связи с переводом промышленности на туристские рельсы и ее приспособили для курортников.

– Думаете, я за себя боюсь? За вас, – пробормотал Тоб, чувствуя теплое Алисино дыхание.

Они уже были в тучах. Выл ветер. Бадья со скрежетом раскачивалась. На одной из мачт опоры красовалось свежее объявление: «Тяжелые метеоусловия. Опасность № 4».

К их чести следует сказать, что оба они не столько боялись, сколько придуривались. Тоб поглубже зарылся носом в огненную гриву своей подруги. Алиса сквозь слой вельвета пересчитывала у дружка ребрышки, словно исполняла на аккордеоне пронзительно-бравурную увертюру Россини. О чем они думали в эти страшные часы опасности № 4?

Алиса думала, что из всех ее предыдущих тобов этот – не самый плохой, а напротив, обладает даже некоторыми необычными достоинствами, например лишним ребрышком в регистре. В столице поговаривают, что он лунатик, но она лично этого не почувствовала, даже когда оказалась с ним прошлой ночью в водосточном желобе на крыше гостиницы. Тоб вел себя с ней в этом желобе как нормальный мужчина, только глаза были закрыты, но это еще ни о чем не говорит, «привычка – вторая натура» (Фрэнсис Бэкон).

Тоб думал, что из всех его предыдущих алис у этой самая намагниченная кожа. Прежде, похулиганив, потаскавшись по кабакам, по крышам и подворотням, он начинал вспоминать о своей конуре, о недостроенном ящике, где моль или саранча пожирает его книги, ковры и картины и где магнитофон с маниакальным упорством воет на четыре голоса «Другую девушку» или рассказывает о случайной полуночной встрече саксофониста Маллигана с пианистом Телониусом Монком. Тоб тогда отодвигался, курил, как в кино, воображал себя

---

¹⁵ Опубликовано: «RUSSICA-81», Нью-Йорк, 1982.

то Монком, то Маллиганом, короче говоря, начинал понемногу сматываться. У этой кожа была очень сильно намагничена и с ней он непрерывно чувствовал себя только Тобом, самым обыкновеннейшим бездомным и беспаспортным тобом с запасом денег на одну неделю.

Бадья тем временем пробила тучи и стала приближаться к цели путешествия – ресторану «Ямка», разбитому на дне старого кобальто-марганцевого карьера. Уже видна была дымящаяся, взлетающая кое-где гейзерами почва карьера, куски породы, накрытые белоснежными скатертями, светящийся джук-бокс и трио живых музыкантов, бартендер в генеральских погонах, поджарые, как борзые, официанты. Здесь орудовал в полном составе персонал столичного найт-клуба «Фрегат», сбежавший на мотоциклах прямо из-под носа органов общественного порядка.

У Алисы от голода засосало под ЛОЖЕЧКОЙ, а над Тобом поднялся и лопнул радужный пузырек слюны. Над рестораном красовались два объявления: первое – «Welcome dear guests!» и второе – «В связи со вчерашним взрывом остановка воспрещается!»

Тоб перевесился через край бадьи и задал глупый вопрос метрдотелю, а проще говоря, главному жулику:

– У вас вчера, значит, взрыв был?

Метр ответил рыдающим, странным для его разбойной рожи голосом:

– Ездит сволочь вроде вас с воспламеняющимися и взрывчатыми веществами! Взрыв за взрывом, а акции горят...

– Вижу, вижу, – покивал Тоб, – посмотрите, Алиса, действительно у них акции горят.

Действительно, в углу «Ямки» словно еретики на аутодафе красиво горели Акции, милейшие, надо сказать, особы.

– Ну хорошо, а как насчет двух филе и бутылки брютта? – крикнул Тоб.

Они уже описывали прощальную дугу над рестораном.

– Разве только ради Алиски, – гнусно усмехнулся метр.

Вся банда оглушительно захохотала.

Тоб суетливо порыскал на дне бадьи, нашел кусочек руды, завернул его в четвертную купюру и метко бросил прямо в раскрывшуюся с готовностью пасть бартендера. Бадья стремительно ухнула вниз.

– Я ни о чем вас не спрашиваю, – сухо сказал Тоб Алисе, – но вы, оказывается, знакомы с этим...

– Когда-то он был честным рабочим человеком, – неопределенно улыбнулась она. – Изредка приходилось прибегать к его услугам, то гвоздь, то кран, то тормоза, сами знаете...

В момент прохождения облачности метеоусловия задали им жару. Шторм, снег, грозовые разряды, шаровые молнии, огни св. Эльма, пляска св. Витта...

– Хорошо, что теперь везде молнии. Это удобно.

– Лишь бы не заклинило.

Наконец появились освещенные зловещим багровым светом жалкие черепичные крыши и немые трубы Дуалта. Есть города как города – Майами, Ницца, блистательный Марсель. Ничтожный Дуалт много лет развивал свою горнорудную промышленность и рыболовство, пока наконец в этом году не спохватился, не законсервировал всю эту дребедень и не перешел на туристские рельсы. Все здесь было недоделано, все скрипело, пачкало и воняло, однако первый же сезон привлек немало солидных персон.

Начинался шторм. Испанский лайнер «Генералиссимус Франко» торопился выйти на внешний рейд. Тоб и Алиса очнулись и посмотрели вниз. Нижняя посадочная площадка была вся в огне. Языки пламени перекидывались уже на туалет. Войска боролись со стихией.

– Останавливаться не будем, милый Тоб, – сказала Алиса, – да это и невозможно.

– Какого черта, нас там филеи ждут, – пробурчал Тоб. – Нечего останавливаться.

– Я просто к тому, чтобы у вас совесть была чиста, милый Тоб.

– А она и так чиста. Я вчера, как от вас возвращался, в коридоре третьего этажа малютку спас.

– Что же вы молчали об этом, милый Тоб?! – вскричала Алиса.

– К слову не пришлось, – сумрачно ответил Тоб. У них уже появились кое-какие свои правила игры. Если, скажем, она чем-нибудь восторгалась, он вроде бы мрачнел, становился как бы буквой. Если же, наоборот, он впадал в иксайтинг, тогда она вроде бы немного дулась. Ну, не всерьез, конечно, для смеху.

– Подробности! Подробности! – кричала теперь Алиса, хлопая в ладоши.

– Ну чего там, – хмуро рассказывал Тоб, – поднялся к себе на этаж, смотрю, возле телевизора шестиметровый питон душит зарубежную малютку. Не знаю, как другой человек поступил бы на моем месте, а я бросился на помощь. Расческой, авторучкой, просто пальцами я рвал этого бледно-зеленого в коричневых пятнах и довольно красивого питона. Я весь облился слизью этого питона, пахучей отвратительной слизью. Замшевая-то моя куртка где, по-вашему? В чистке. Говорят, их едят в Макао, этих питонов, но я не верю: передо мной была шестиметровая растерзанная туша, и я не съел ни кусочка.

«Кажется, я вовремя повезла его на этой ржавой канатной дороге», – подумала Алиса и погладила его затылок снизу вверх, как бы гордясь: экий, мол, смельчак.

– Так что с меня хватит, – резюмировал Тоб, – вчера питон, сегодня пожар. Там у них солдат полно, да и вообще – гори все огнем!

Бадья по размочаленному тросу подбиралась уже к ресторану «Ямка». Администрация, оказывается, кое о чем позаботилась. На уровне бадьи болтался теперь подтянутый на кронштейне лучший кельнер «фрегатовской» шараги Сич. В руках он держал соблазнительный поднос, накрытый салфетками, и беспрерывно говорил, сверкая зубами:

– добрыйвечервыменянепомните аяваспомнюещемальчиком блевалислева отвходопатруль приехавасвуалетоттащилдайдумаю помогучеловекуможет пригодитсяавасалисочка тожеподетскимвоспоминаниямкакраз помоемувпериод полового созреваниячтомогусказать освоейжизнипрошелсуровуювоеннуюшколу инабульдозереинагеликоптереина субмаринечеготольконебыловразныхгорячих точкахпланетыкорочезаработал себенафордмеркурийсейчас главноеконечнозаочное образованиеотжизниотставать нехочулишьбынешилисьлишьбынешилисьлишь бынешилисьувасзнакомыхнетвпрокуратуре?

Сопровождая этот каскад слов янтарными брызгами каких-то выделений, Сич мастерски сервировал стол. Тоб и Алиса покатали вниз в полном блаженстве: мясо таяло во рту, шампанское щекотало гортань.

– Напрасно взяли одну бутылку, – сказал Тоб, – угостили бы этого орлана.

– Какого орлана?

– Разве не видите? Вон сидит в углу, крылышки сложил, корчит из себя травоядное. На, на, жри, дешевка! – Тоб сбросил с шампура несколько кусочков мяса. – Ишь, проглотил и сидит, как ни в чем не бывало, как будто каждый день филеи из парной баранины рубает.

– Улетел, улетел орлан, – прошептала Алиса, обнимая Тоба за голову.

– Улетел, потому что ему шампанского не дали. Все обнаглели, даже птицы!

Они снова уже привычно подготовились к шквалу в зоне облачности, как вдруг все каким-то волшебным образом прояснилось, преобразилось, горизонт и половина моря осветились серебристо-лимонным светом, внизу заблестел булыжник и плиты тротуаров, крыши машин, далекие фортепианные триоли долетели до них, и Тоб воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.